

составитель Андрей Маторов

НИЧЕГО НЕ БОЙСЯ. С НАМИ БОГ!

Памяти отца Германа
Подмошенского

Андрей Маторов

**Ничего не бойся. С
нами Бог! Памяти о.
Германа Подмошенского**

«Автор»

2023

Маторов А.

Ничего не бойся. С нами Бог! Памяти о. Германа Подмошенского /
А. Маторов — «Автор», 2023

В этой книге представлена краткая биография удивительного человека, нашего современника, — отца Германа Подмошенского. Отец Герман был другом и сотаинником по монашеству известного и любимого многими американского православного священника отца Серафима Роуза. Их совместный подвижнический и писательский труд принес обильный плод во многих странах мира, благодаря чему тысячи и тысячи людей разных национальностей приняли Православие. Также в книге присутствуют живые свидетельства людей, знавших батюшку на протяжении многих лет. «Отец Герман – человек великого русского духа, высокой духовности, горячей веры. Он – светильник Христов». Это не просто красивые слова, а вывод многих людей, хорошо осведомленных о жизненном пути отца Германа, с которым уважаемый читатель сможет познакомиться на страницах этой книги.

© Маторов А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Предисловие	6
Часть первая. Жизненный путь отца Германа	8
I. Биография отца Германа	9
Вам жмёт руку сам Царь!	9
Дмитрий Подмошенский – исповедник Православия	9
Новомученики Российские – главное явление XX века	9
На краю моста	10
Вера отцов	11
Поездка на Аляску на Еловый остров	12
II. Отец Герман и отец Серафим[2]	16
Поиск истины Евгения Роуза	16
Первая встреча Глеба и Евгения	16
Истина – Христос	19
Активная деятельность братий	20
Предсказание Владыки Иоанна	20
Пустынь	20
Искушения	21
Надо во всём видеть полезное для спасения	21
Духовные наставники	21
Канонизация старца Германа Аляскинского	22
Постриг в монахи	23
Цель монашества – преображение человека	23
Покой и тишина	24
Какой же ты счастливый!	24
Священство	24
Скит во имя святой блаженной Ксении Петербургской	25
Миссионерский монастырь	25
Честна пред Господом кончина преподобных Его	28
Некоторые мысли отца Серафима:	29
Смерть и похороны отца Серафима	30
Испытание	32
Скорби отца Германа	32
III. Портрет отца Германа	34
IV. Рассказы отца Германа	42
Дом с видом на море	42
Страх	42
Неожиданная встреча	43
Как Бах спас меня	44
Богослужение с ланью	46
Плач о потерянном Рае	46
Страдание отцов	47
Меньшие братья	47
Напоминание о Рае	48
«Пчела и муха»	49
V. Духовные родственники	50
Отец Владимир	50

Отец Адриан (Рымаренко)	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Андрей Маторов

Ничего не бойся. С нами Бог!

Памяти о. Германа Подмошенского

Предисловие

Дорогой читатель! В этой книге представлена краткая биография удивительного человека, нашего современника, – отца Германа (Подмошенского). Автор не претендует на полный охват и исчерпывающее жизнеописание, а представляет лишь краткую заметку о том, что сам знал о батюшке и чему был свидетелем. Возможно, этот скромный труд вдохновит кого-то на более серьёзное исследование и детальное описание жизни отца Германа.

Отец Герман Подмошенский (Глеб Подмошенский – его имя в миру) прожил непростую, но в то же время очень интересную и деятельную жизнь. Он был другом и сокамерником по монашеству отца Серафима (Роуза) – известного и любимого многими американского православного подвижника. Именно Глеб открыл Евгению (Евгений – это мирское имя отца Серафима) то, что тот так долго искал: Православие в святоотеческом его понимании. В наши дни почти каждому православному человеку знакомо имя отца Серафима (Роуза) как духовного писателя. Но настало время рассказать о человеке, который всё это время смиренно находился рядом с отцом Серафимом, разделяя его иноческие труды, кто сподвиг его на написание книг и являлся полноценным соавтором многих сочинений, – об отце Германе Подмошенском?

Из-за трагических событий начала XX века семья отца Германа была вынуждена эмигрировать из России в Америку, где он и прожил всю свою жизнь. Хотя он и полюбил эту страну, но душой всегда стремился в Россию, которую очень любил и трагической судьбе которой сострадал.

Отец Герман в молодости пережил сильнейший душевный кризис: это было «тихое отчаяние» души, которая не знала Бога и не понимала смысла своего существования. Обретение веры открыло Глебу не только смысл бытия, но и призвание. Видя такое же отчаяние многих молодых людей, какое он сам однажды пережил, он понял, что должен стать проповедником Православия в Америке, провозвестником идеалов святости, красоты и добра в мире, который всё дальше и дальше отдаляется от них.

Говоря об отчаянии современных людей, упомянем, что по современным статистическим данным, более 50 % людей, живущих на обеспеченном и благополучном Западе, не удовлетворены жизнью, имеют депрессивные расстройства, уныние. С каждым годом невероятно растёт количество самоубийств. И одна из главных причин этой депрессии – потеря смысла жизни... Как сказал один из крупнейших философов XX века М. Хайдеггер: «Запад – это мышеловка, в которой полностью утрачен смысл бытия». Достаток есть, изобилие материальных благ есть, но это не приносит удовлетворения жизнью (или приносит, но ненадолго). Нужно сказать, что религия на Западе, к сожалению, стала каким-то внешним ритуалом, формальностью, «пустышкой», которая не удовлетворяет глубинных запросов души человека. Поэтому молодёжь, разочаровавшись в подобной псевдо-религиозности, уходит в мир иллюзий: к нему можно отнести увлечение кинематографом, компьютерными играми, наркотиками и тому подобным.

Видя такое отчаянное положение современного человечества и особенно молодёжи, которой в качестве смысла жизни через СМИ навязан культ денег, наслаждений и идеал «глянцевой» пустой жизни, отцы Герман и Серафим возжелали открыть соотечественникам иной взгляд на смысл человеческой жизни, показать красоту и глубину Православной Церкви –

хранительницы апостольского предания, которая до наших дней рождает в мир удивительных людей – святых подвижников и чудотворцев, молитвами которых держится наш мир. Ради достижения этой высокой цели сподвижники Герман и Серафим совершили духовный подвиг, суть которого раскрывается читателю в первой части этой книги.

Вторая часть книги посвящена воспоминаниям об отце Германе его духовных чад и людей, близко знавших батюшку.

Часть первая. Жизненный путь отца Германа

I. Биография отца Германа

Вам жмёт руку сам Царь!

Известно, что дед Глеба Подмошенского, Александр Михайлович Фокин, создатель Троицкого театра в Санкт-Петербурге, показал одну из постановок святой царской семье Государя Николая II, за что был удостоен августейшей благодарности и личного рукопожатия. То рукопожатие, придя домой, Александр Михайлович передал маленькому Глебу. Батюшка потом часто шутил: как бы передавая это дальше, говорил: «Вам жмёт руку сам Николай II!»

Бабушка – Александра Фёдорова, была прима-балериной Мариинского театра.

Дмитрий Подмошенский – исповедник Православия

Отец Герман рассказывал, что его отец Дмитрий Иванович был родом из Пскова, а мать Нина Александровна – из Санкт-Петербурга. Ещё до появления на свет Глеба, его родители бежали от коммунистического режима из России в Латвию. Родился он в Риге 26 марта 1934 года и младенцем был крещен в Православной Церкви. Батюшка о себе говорил: «Я русский, хотя родился в Латвии, а прожил всю жизнь в Америке». Когда Глебу было 5 лет, советские войска оккупировали Латвию. В небольшом городке, где жили Подмошенские, прошли массовые аресты. Отца батюшки осудили на восемь лет лагерей и отправили в Воркуту, поставив ему в вину подлинную религиозность и происхождение: его родитель был состоятельным человеком, благодетелем женского Спасо-Казанского монастыря в городе Острове под Псковом. В Воркуту Дмитрий Иванович приехал в 41-м году, а в 43-м погиб от голода.

Известно, что Отец Герман ездил в Воркуту в поисках могилы отца. Могилу он не нашел, – лишь массовое захоронение тысяч убитых узников, не отпетых, сброшенных в яму...

Новомученики Российские – главное явление XX века

Батюшка часто говорил, обращаясь к молодому поколению: «В ваших жилах течёт кровь Святой Руси! Но вы стали как Иваны, не помнящие родства – не знаете своих предков, своих корней. А ведь среди ваших предков могут быть святые, к которым вы могли бы обращаться в молитве!»

Взять хотя бы историю гонений на Церковь XX века: сколько новомучеников она явила, сколько миллионов человек были убиты советской властью и не просто убиты, а зверски убиты... Топили баржами, живьём закапывали, морили голодом, мучали... Профессор МДА Осипов А. И. говорит о причинах такой жестокости «Кто мог так издеваться над людьми, кто мог устраивать такой садизм? Это же какой ненавистью надо обладать к роду человеческому, чтобы так убивать и в таких масштабах! Так могли поступать только культовые сатанисты, то есть люди, которые верят в сатану, как в бога». Он также в своих лекциях обращает внимание, что уничтожали цвет нации, лучших людей...

В очень многих семьях были замучены советской властью их родственники, а мы ничего не знаем! Не знаем своих корней, своих предков, своей истории! Отец Серафим (Роуз) твёрдо верил, что главное явление XX века – новомученики российские, числом они превысили пострадавших за веру на заре христианства. Отец Герман говорил об этом в своих проповедях, и в каждом номере журнала «Русский Паломник», выходившего под редакцией отца Германа, есть рассказ об одном из новомучеников.

На краю моста

Во время Второй Мировой войны Глеб с сестрой и овдовевшей матерью были эвакуированы в Германию, где жили в бедном и неопределенном положении в лагерях для беженцев.

Батюшка рассказывал о войне, о том, насколько трудно было ему пережить тягости того времени. Великая Отечественная оставила неизгладимую рану в его душе.

Как-то, будучи ещё совсем мальчишкой, он потерялся и отстал от матери. Начался авианалет, летели и разрывались рядом бомбы. Ужас, который пережил маленький Глеб, запомнился на всю жизнь.

В 1949 году Подмошенским удалось эмигрировать в Америку. Но и там их ожидала нелёгкая жизнь. Мать тяжело заболела, и 17-летней Глеб оказался единственным кормильцем в семье. Чтобы не дать умереть с голоду ей и младшей сестре, которая страдала эпилепсией, юноше пришлось много и тяжело работать, а ведь нужно было продолжать учёбу в Школе музыки и искусств в Нью-Йорке.

Америка оказалась другим миром – миром, где никто не хотел знать об ужасах далекой России. Глеба поразил контраст происходящего. Он оказался в сытой Америке, где его сверстники мечтают, как отец купит им автомобиль, как поедут учиться в такой-то колледж. А тем временем в родимой России – коммунистический террор, соотечественники, живущие в сталинском кошмаре, взрывы церквей, концлагеря...

У Глеба тогда не было веры в Бога, а значит, и внутренней опоры. Возникла глубокая подавленность: зачем и для чего нужно жить, если вокруг так много страданий, фальши и зла... От тяжких раздумий молодой человек впал в отчаяние, возникла навязчивая мысль о самоубийстве.

Отец Герман так рассказывал об этом периоде жизни: «Мы голодали с мамой, когда приехали в Нью-Йорк. И я решил, что весь современный «модный мир» устроен на принципах Ницше и на бакунинской идее: нужно истребить сто миллионов, тогда будет счастье на земле. А я – один из тех, кто должен быть истреблен. Поэтому я возненавидел автомобили, деньги. У меня осталось искусство». Но через некоторое время душа погрузилась в отчаяние, желание свести счеты с жизнью.

Однажды он решился было осуществить задуманное и оказался на краю Бостонского моста. Но милостью Божией, в мыслях Глеба вдруг возник лик преподобного Сергия Радонежского. Он был настолько светел и притягателен, что юноша отложил злую решимость покончить с собой и душевно устремился вслед божественной благодати, исходящей от преподобного.

Отец Герман впоследствии рассказывал: «Когда я был мальчиком, мне попалась маленькая книжечка, а в ней лубочные цветные картинки из жития Преподобного Сергия Радонежского: птицы, как Божия Матерь ему явилась, как медведя он кормит. Книжка была потеряна, все забыто, я был в Америке, страдал, в церковь не ходил. У меня было ужасное уныние, и я решил покончить с собой, сброситься с моста. И пошел туда. Я мечтал встретить человека, вроде отца, который бы мог так «стукнуть» меня, чтобы я понял, как правильно жить. Но его не было. И вот я стоял на мосту, и вдруг возник образ: эти картинки из детства, из жития Сергия Радонежского, и мысль: если ты спрыгнешь, то не дашь себе возможность встретить таких людей, может, такие и сейчас есть, как преподобный Сергей».

Спустя несколько часов тем же унылым вечером, когда Глеб, замёрзший и промокший, плёлся по улице, называвшейся Дорогой Симфонии, что в Бостоне, его догнал незнакомец и предложил бесплатный билет в Концертный зал на «Мессию» Генделя. Через несколько минут Глеб уже слушал ораторию. В светлом зале величественный хор взывал «Аллилуйя», – казалось, обращаясь именно к его душе. Глеб зарыдал, исполнившись радости и ликования от этой музыки.

Оба эти случая отодвинули его мысли о самоубийстве. Божественная красота лика преподобного Сергия и вдохновенная музыка религиозного композитора коснулись тайных струн его души, словно давая ей знать, что человек жив духом, а не одной лишь плотью. Цепь умственных и нравственных исканий замкнулась, душа почувствовала близость Бога.

В скором времени поиски призывающей благодати Божией привели его к святому того времени и места – Владыке Иоанну Шанхайскому, Сан-Францисскому чудотворцу.

Вера отцов

Отец Герман так рассказывал о своем возрождении веры: «Это был 1954-й год. Я чудом попал в русский Православный монастырь в Джорданвилле. Мне там все очень понравилось, все такие красивые, молодые, очень приветливые, они не были «буками». И там был такой чудный иеродиакон отец Владимир, он мне говорит: «Как тебя зовут?» – «Глеб». А мне всегда нравилось мое имя – Глеб. Но когда я приехал в Америку, его там не могли произнести, все смеялись надо мной.

А он говорит: «Какое чудное имя!» Он мне внушил: Россия – это есть что-то ценное, миром не понятное. И тогда я понял, что мой папа – это жертва современного мира, но это победа христианства не во внешнем мире.

Когда я попал в монастырь, мне захотелось почитать Житие Сергия Радонежского. Я спросил книгу. Монах ведет меня в библиотеку, и еще раз меня спрашивает, что я хочу. А я говорю: «Биографию Серафима Саровского», не знаю почему. Но там был ответ, беседа Преподобного с Мотовиловым о цели христианской жизни. Все, что мне было нужно, там есть. Православное мировоззрение, которого я жаждал. Так Сергей Радонежский привел меня. Я буквально переродился, по-другому начал видеть, звуки слышал по-другому. Мне открылись глаза. И с тех пор по сей день я всегда радуюсь».

После того как Глеб побывал в монастыре и познакомился с «верой отцов», прочитал жизнеописание преподобного Серафима Саровского, Иоанна Кронштадтского, Оптинских старцев и других святых, когда он узнал, что у человека есть бессмертная душа, которая не прекращает своё существование со смертью тела, то всё окончательно прояснилось и встало на свои места. Он родился заново для жизни во Христе!

Отец Герман говорил, что когда приобрёл осознанную и разумную веру во Христа, основанную на прочном фундаменте святоотеческого учения, когда ему открылся необыкновенный мир Святой Руси, – он приобрёл величайшую радость. Радость о том, что над нами есть Бог, Который есть любящий Отец (а не какие-то безликие космические силы), что человек – это не животное, как нам внушалось несколько десятилетий, а богоподобное существо (образ и подобие Божие), которое имеет нравственную свободу выбора между добром и злом. И, кстати, становится понятным, почему человек должен избрать добро, а не зло. Почему? Потому что есть Бог. Человек не забыт и не брошен Богом. Доказательство? Пришествие Христа на землю, добровольное распятие на кресте за наши грехи и Его славное Воскресение. Это ли не радость для людей?! Радость от того, что в нашем падшем, тёмном и жестоком мире всё же есть Свет – Иисус Христос и Его святые. Святые были исполнены пасхальной радости – Серафим Саровский каждого человека встречал словами: «Христос воскрес, радость моя». Каждый человек, со всеми его слабостями, грехами и немощами для него был радостью... Так вот, когда всё это открылось Глебу, он тоже стал сопричастен этой святой радости.

Все, кто знал Глеба, заметили после его «перерождения» разительную перемену. До этого он слыл «мрачным Глебом». Теперь же он был внутренне счастлив и окрылен: открылась цель, ясная и неотложная. Он изменился настолько, что, как сам говорил, мир предстал в других красках.

Поездка на Аляску на Еловый остров

Под влиянием отца Адриана, о коем будет сказано ниже, мысли Глеба обратились к миссионерству, к евангельскому делу православного просвещения Америки, к проповеди той радости о Христе, которую он однажды приобрёл.

Пример миссионерства он нашёл в служении преподобного Германа Аляскинского – подвижника, монаха святой жизни, одного из первых миссионеров на американском континенте. Более того, Глеб увидел в преподобном Германе своего святого заступника перед Богом, которого можно попросить об указании дальнейшего жизненного пути. И Глеб решил посетить место подвига преподобного Германа на Аляске, на Еловом острове. Осуществил Глеб свою задумку в августе 1961 года.

Преподобный Серафим Саровский

Аляска, Еловый остров

В то время на Еловом острове с 1935 года проживал монах Герасим, ухаживая за могилой преподобного Германа и поддерживая монашеский уклад «Нового Валаама». Так называл это место сам Преподобный в память о родной обители на старом Валааме, откуда он прибыл на Еловый остров в 1794 году. Подвиг монаха Герасима восхитил его, Глебу открылся в нем тот заветный образ американского анахорета, описанный преподобным Германом сто лет назад: «Монах, как и я, убежит от людской славы, придёт и поселится здесь».

Итак, Глеб приехал на Аляску, на Еловый остров, чтобы просить у преподобного Германа указать ему путь жизни. И вот как это произошло.

Как-то перед Успением к отцу Герасиму приехали его старые друзья из города Кадьяк. Он был в прекрасном настроении и встречал их очень радушно. Глеб же тем временем отошёл к небольшому заросшему папоротником источнику, из коего в бытность свою сам преподобный доставал воду. Сев на замшелый пенёк у журчащего потока, он открыл книгу, взятую из хижинки отца Герасима. Это были жития русских подвижников. И вот, наугад перевернув несколько листов, он попал на главу о преподобном Серафиме Саровском.

«Как-то в конце 1832 года один монах спросил Старца:

– Почему мы не имеем строгой жизни древних подвижников?

– Потому, – отвечал Старец, – что не имеем *решимости*, а благодать и помощь Божия к верным и всем сердцем ищущим Господа ныне та же, какая была и прежде, и мы могли бы жить как древние Отцы, ибо, по слову Божию, Иисус Христос “вчера и днесь той же, и вовеки”».

Словно озарение снизошло на Глеба: дело в том, что он ещё не *решился* полностью сораспять свою жизнь Иисусу Христу, не изжил самость, поэтому Бог молчал. Глеб побежал по тропинке, но не к хижинке, а в другую сторону и скоро оказался у большой белой часовни, построенной местными жителями над могилой преподобного. Упав на гробницу, он принялся истово молиться... Именно здесь, на Еловом острове, у могилы преподобного Германа пришло решение посвятить свою жизнь Богу.

И вдруг Глеб услышал тихий мягкий голос, идущий, казалось, из усыпальницы: «Мечтай!» – только одно слово... Может, ему показалось? Может, он сходит с ума? Но нет, он ясно слышал! Не было сомнения! Всё так очевидно: только что он посвятил свою жизнь Богу, предал себя Творцу, и Господь через своего святого, отца Германа, спрашивал о его желаниях.

«Пошли мне такого же человека не от мира сего¹, как я сам, – взмолился Глеб, – такого, кто бы понял меня, понял, чего я хочу». И опять он услышал участливый голос: «А что ещё?» Глеб едва перевёл дух. Если его просьба исполнена, он должен как-то отблагодарить святого. – «Даруй мне братство, – произнёс он с трепетом, – братство, которое прославит тебя и объявит о тебе миру». Потрясенный Глеб вскочил и в духовном ужасе выбежал вон.

А незадолго до этого, за тысячу миль отсюда, в одной из книжных лавок Сан-Франциско американец Евгений Роуз так же отчаянно молил Божию Матерь: «Дозволь мне служить твоему Сыну». Не он ли тот самый человек «не от мира сего», о котором молился будущий отец Герман? Вскоре эти юноши встретятся, и эта встреча приведет к крутому повороту их судеб.

Последующая жизнь Глеба неразрывно связана с жизнью Евгения Роуза. Эти два юноши станут друг для друга духовными братьями и совершат непостижимый уму подвиг во имя Христово.³

¹ Отец Герман часто в этом месте рассказа употреблял слово «идиот» в его изначальном значении «анахорет». Идиот – в Древней Греции гражданин полиса, живущий в отрыве от общественной жизни, не участвующий в общем собрании граждан полиса и иных формах государственного и общественного демократического управления.

II. Отец Герман и отец Серафим²

Поиск истины Евгения Роуза

Личность Евгения Роуза – экстраординарное явление для американцев.

Роуз – мыслитель, полиглот, эрудирован, образован, внешне красив. Казалось бы, он мог добиться успеха на любом поприще. Но этот молодой человек из среднего класса вдруг всей душой устремляется на поиски смысла жизни, осваивает древние языки, постигает традиции религий, читая оригиналы рукописей, годами выбирает крупинки знаний о бытии души после смерти тела, о Боге. Он изучает и апробирует на своём опыте западные христианские конфессии и восточные религии, затем разочаровывается в них. Приблизившись к своему тридцатилетию, Евгений осознает мелочность сиюминутного прожигания жизни и находит причину мирового зла в богоотступничестве.

Он стал готов к принятию Истины. Истина во Христе открылась Евгению Роузу за дверями православного храма Сан-Франциско.

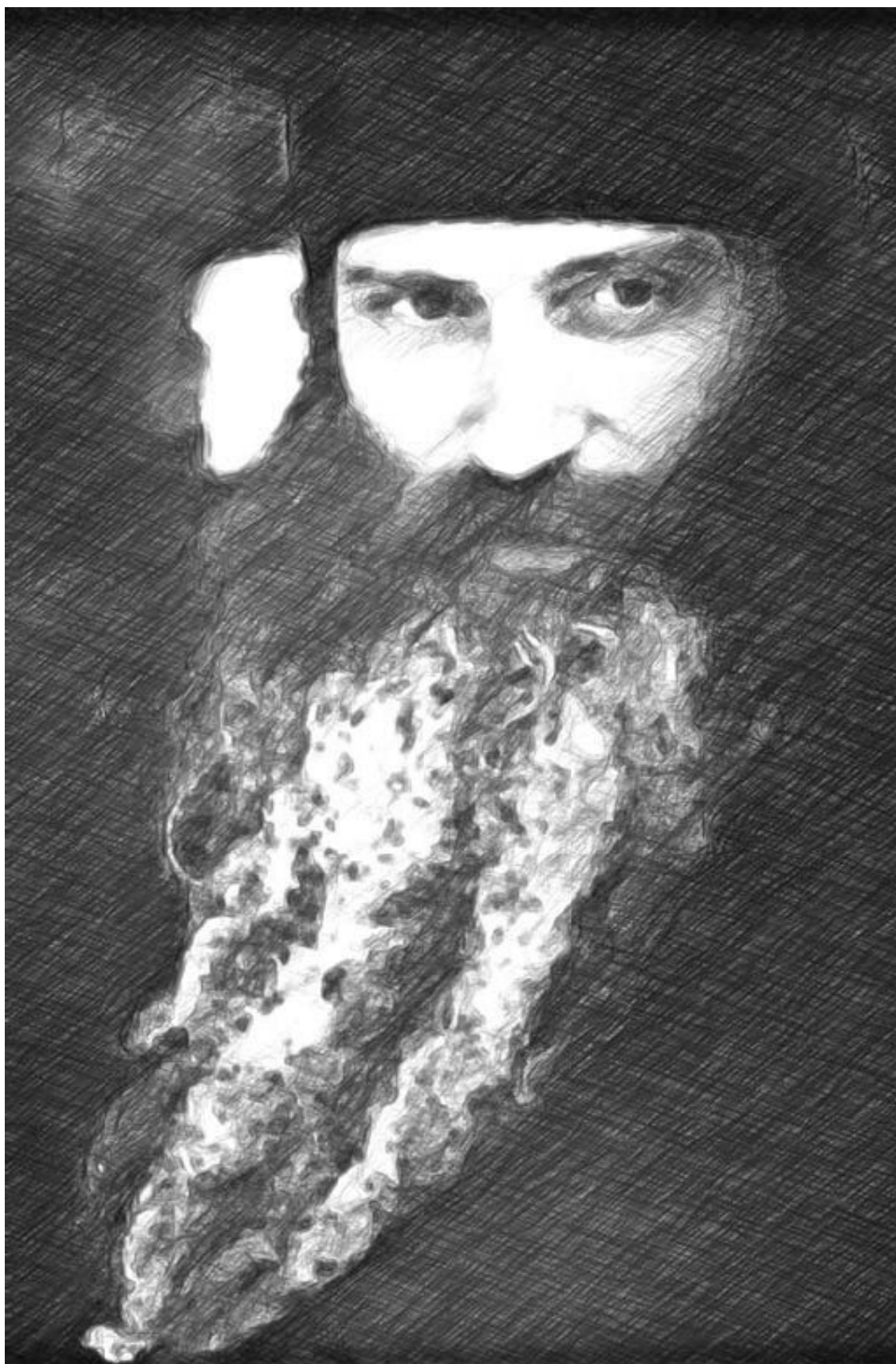
Первая встреча Глеба и Евгения

Глеб Подмошенский оказал большое влияние на Евгения Роуза в формировании христианского мировоззрения. Именно он открыл ему образ Святой Руси.

Отец Герман так рассказывал об их знакомстве.

«Одна моя знакомая, Мария Шахматова, попросила меня встретиться с одним из её бывших сирот, чтобы я помог ему поступить в семинарию – он имел явные религиозные наклонности. Вскоре я познакомился и подружился с этим молодым человеком. Звали его Владимир. Он хотел стать миссионером в Норвегии и поступить в Московскую Духовную Академию. Он понимал, что нужно нести Православие американцам, и решил представить меня одному из них. Нам предстояло посетить Евгения – студента Берклийского университета, пожертвовавшего блестящей карьерой на факультете синологии ради того, чтобы написать книгу по философии нигилизма.

² Дальнейшее повествование о жизни отца Германа будет идти параллельно с повествованием жизни отца Серафима (Роуза) – его друга и соратника по монашеству.

Серафим Платинский

Серафим Платинский

Жил он в квартире на первом этаже. Мы постучали в окно, но затем увидели, что дверь не заперта, и вошли прямо в большую, довольно тёмную комнату. Одна стена была увешана иконами, которые освещались лампадой. Перед этими иконами стоял Евгений. Был он в зелёном свитере, с трубкой в руке, и, похоже, не очень-то обрадовался гостям, однако чувствовалось, что он весьма образован и воспитан. Он вежливо поклонился. Как открылось позже, я показался ему знакомым («Я знаю тебя, знал, что ты придёшь» – скажет Евгений Глебу несколько месяцев спустя)».

Мы вошли в его квартиру.

Неожиданно я воскликнул «по-апостольски»:

– Мир дому сему!

Евгений взглянул удивлённо и настороженно.

– Где розетка? – спросил я.

– Простите, не понял? – ещё больше удивился Евгений. Заметив у меня в руках диапроектор, он указал, куда его включить. В ту же минуту я начал показывать слайды, многие из которых сделал сам. Эту серию я назвал «Святые места в Америке».

Перед поражённым Евгением предстал мир апостольского Православия. Красочные иконы, портреты святых и праведников, виды Елового острова – места подвига преподобного Германа Аляскинского, чудотворные иконы из Шанхая, игуменьи, схимники, скиты в Канаде, монастырь в Джорданвилле и Ново-Дивеевская обитель, которая восприняла и передала Америке традиции оптинских старцев.

Я давал короткие пояснения к слайдам, пытался раскрыть мученический подвиг, который претерпела Святая Русь. Под конец рассказал о своём отце, как его арестовали коммунисты и как он погиб в концентрационных лагерях, о моём приходе ко Христу, что и привело меня в конечном счёте сюда.

Лекция кончилась, хозяин квартиры Евгений Роуз, будущий отец Серафим, затаив дыхание, прошептал: «Какое откровение!».

Евгений увидел на слайдах то, к чему долго интуитивно стремился, – подвижничество монашества и ту духовную жизнь, которой жаждала его душа! Перед ним открылась сокровищница духовной мудрости святых отцов, которую он с жадностью стал изучать.

Истина – Христос

На момент знакомства с Евгением Роузом, Глебу исполнилось двадцать восемь лет. Роста выше среднего, русоволосый, с небольшой бородкой. Общительный и изобретательный, «душа общества», умел повести беседу, увлечь рассказом. Натура артистическая (сказывалась наследственность по материнской линии), с прекрасным чувством юмора, блистающим порой тонкой «смешинкой» на манер Диккенса. Полагался он больше на интуицию, часто бывал непредсказуем и нетерпелив. Неумный, жаждущий деятельности, почти всегда бывал занят «по горло». Отчасти под влиянием своего духовного наставника отца Адриана, речь о котором впереди, он научился прозревать человеческую натуру – подчас оценивал личность так, как иной и не помыслил бы. И оказывался прав!

Движимые большими идеями и, как говорится, слепленные из того же теста, что и «голодные художники», в этом они оказались близки с Евгением, несмотря на явные различия в характерах. Кроме того, сердца обоих были неисчерпаемым кладом любви, только Глеб не стеснялся выражать свои чувства. После прихода ко Христу любовь буквально вскипала в нем, это и привлекало к нему людей. Очевидно, именно Глебу предназначалось вытащить Евгения из темницы горечи и одиночества, открыть его любящее сердце.

Однажды в Великую пятницу друзья пришли на Божественную службу в Русский Православный собор в Сан-Франциско. Спустя годы Евгений, тогда уже отец Серафим, вспоминал об этом: «Когда я вошел в православную церковь впервые, со мной случилось что-то такое, чего я не испытывал ни в буддийских, ни в западных храмах: вдруг в моем сердце что-то подсказало, что это мой дом, и все мои поиски были окончены! В действительности я не мог понять ничего, потому что церковная служба шла на непонятном мне иностранном языке».

В православном храме он утвердился в понимании Истины, он писал: «Истина – не только абстрактная идея, которую ищет и познает ум, но нечто личностное, даже Личность, Человек – Тот, Кого ищут и любят сердцем. Так я узнал Христа».

Он стал бывать в русском православном храме.

Один из тогдашних знакомцев Евгения пишет: «Он очень быстро исполнился глубокого почитания Матери Божией и еще до Иисусовой молитвы творил молитву Богородице».

Евгений взялся самостоятельно изучать русский язык, что далось ему сравнительно легко, благодаря врожденным способностям и языковым навыкам. Труднее оказалось посещать богослужения в русском соборе. Он очень боялся превратиться в обычного церковного завсегдатая, но тем не менее понуждал себя ходить на службы... Мало кто прозревает сущность Церкви – присутствие Неба на земле. Но он не спешил приобщаться этого Рая, боялся, что, привыкнув, лишится его... Он не хотел придавать себя обмирщенной Церкви, не хотел видеть в ней очередную «организацию», не хотел пополнять ряды чиновников от Церкви. Поступись он своими взглядами, и погасло бы пламя чудотворной силы, которое он запечатлел, оно бы растаяло в жидком свете мирских буден.

Активная деятельность братий

После того как Евгений пришёл к Православию, они с Глебом открыли православный магазин в Сан-Франциско, а так же основали Братство в честь Германа Аляскинского и начали печатать православный журнал на английском языке «The orthodox word» («Православное слово»), в котором много рассказывали о святом Германе Аляскинском (в 1970 году Церковь канонизирует его, в том числе благодаря трудам братии). Кстати, первая икона преподобного Германа была написана Глебом.

А в 1983 году братией будет куплена земля на Аляске и, точно форт Росс, в дебрях современного язычества вырастет на Аляске монашеский оплот, там где когда-то подвизался преподобный Герман Аляскинский. Но это произошло ещё не через один десяток лет...

Предсказание Владыки Иоанна

Глеб и Евгений пришли к выводу, что без самопожертвования, без полного отречения от мира их печатное слово не будет иметь духовной силы, не откликнется в душах читателей.

Евгений об этом писал так: «Без подвига наш труд тщетен. Было бы сущим лицемерием печатать на страницах журнала о добровольно взявших бремя страданий ради Царства Божия и не приобщиться самим – хоть в малом! – этих страданий».

Как-то святой Владыка Иоанн (Максимович), беседуя с Евгением, поинтересовался, что тот собирается делать дальше. Евгений ответил, что не хочет идти в семинарию и будет и впредь нести соотечественникам, ищущим истинной веры, слово о Православии. «Да, да, – кивнул Владыка, – я даже верю, что в Калифорнии будет миссионерский монастырь».

Всё чаще Глеб и Евгений подумывали о том, чтобы покинуть город, всё чаще заводили об этом разговор. Когда-то гуляя по океанскому побережью, они мечтали о жизни в пустыни, и мечты эти сплотили братьев. Сейчас же тяга к пустынножительству сделалась непреодолимой. Евгений всё чаще напоминал Глебу: «Пора уезжать отсюда. Пора жить по-настоящему».

Пустынь

То, что произойдёт дальше, не укладывается в голове современного человека: Глеб и Евгений покупают участок земли в глухих лесах Калифорнии близ посёлка Платина и переезжают вдвоём жить в лес для того, чтобы печатать православный журнал, а позже святоотеческую литературу и книги, написанные отцом Серафимом. Причём в пустыни, где они жили, не было ни водопровода, ни электричества, ни телефона, но зато были гремучие змеи, укусы которых смертельны, медведи, пумы и прочая дикая живность, которая часто посещала братию.

Самые тяжелые испытания, выпавшие братии в первые годы скита, были связаны с изданием православного журнала – в лесу, в первобытных условиях. Мало того, что печать сама по себе – нелёгкий труд, братии нередко доставалось и похлеще: сломается в дороге машина, гру-

жённая бумагой или типографской утварью, и приходилось на руках втаскивать в гору тяжеленные свинцовые шпоны и ящики с металлическими литерами.

Богослужения в пустыни задавали тон каждому дню. Трижды (по монастырскому уставу) в день братия собирались на молитву – в этом, как ни в чём другом, могли они уподобиться древним, столь любимым пустынноикам, о которых так много было прочитано.

Искушения

Благодатные знамения являлись братии нечасто и неожиданно, но всегда в решающую минуту. Приведем наглядный пример.

Для облегчения набора текста братия в 1970 году купила линотип. Конечно, по сравнению с набором вручную работа упростилась, но линотип «капризничал», к тому же для него требовался электродвижок и пропан. Однажды, когда Евгений набирал тексты в печать на линотипе (работать приходилось с раскаленным на газу свинцом), сломался движок. Несколько часов ушло на починку, но к тому времени остыл свинец. Когда всё снова было готово к работе, отказал линотип! Такой оборот уже не удивлял, братия привыкли тратить больше времени на наладку техники, нежели на саму печать. Но в этот раз терпение у Евгения лопнуло.

– Хватит с меня! Сколько часов ковырялся, и всё без толку! – взвился он.

– Это козни дьявола, – отвечает Глеб, – он зол на нас, вот и пытается досадить. Приноси-ка святой воды.

Братия сняли со стены деревянный крест, окропили станки и стены святой водой. И вдруг и линотип, и электрический движок, и даже печатный пресс заработали сами собой!

Надо во всём видеть полезное для спасения

Братия познали истинную цену своим огорчениям, испытаниям, искушениям. Евгений сказал однажды: «Святые Отцы учат, что во всём надо видеть полезное для спасения. Научимся – спасёмся!»

Взять хотя бы самый «бытовой» пример: сломался печатный станок. Пока он работал, стоишь и сердце радуется: странички все аккуратные, чистые, красивые. И уже пленяют мечты: увеличится тираж, журнал будут читать во всех странах. А тут, глядишь, станок и забарахлил: «жуёт» и «выплёвывает» страницы как попало. Они слипаются, рвутся. И мечты о большом тираже тают на глазах, даже немногие дополнительные экземпляры уничтожены. Станок сделался орудием пыток. И собираешь все силы, прибегаешь к Иисусовой молитве, чтобы успокоиться и наладить станок.

Пусть такая работа радости и удовольствия не приносит (не то что пять минут назад, когда любовался красивыми страничками), но она очень полезна для духовного роста, помогает сосредоточиться и повести борьбу. Стоит поддаться настроению, захочется разнести станок в пух и прах – и битва проиграна. Не в том победа, чтобы побольше журналов напечатать, а в том, над чем трудится душа. Прекрасно, если, спасая себя, душа сумеет спасти и других. Но если, спасая печатным словом души ближних, губишь свою – это уже скверно.

Духовные наставники

Глеб и Евгений имели тесное общение с выдающимися и святыми людьми их времени, более того, были их духовными чадами в разные периоды их жизни. Назовём их имена.

Конечно, это святитель Иоанн Шанхайский и Сан-Францисский чудотворец; это схимонах Никодим с Афона, с которым отец Герман вёл духовную переписку и к которому приезжал на Афон в 1979 году. Старец Никодим Карульский был учеником старца Феодосия, который

состоял в духовном общении со святителем Игнатием (Брянчаниновым). Конечно, это владыка Нектарий (Концевич) и отец Адриан (Рымаренко) – ученики оптинского старца Нектария. Отец Адриан – это тот человек, под епитрахилью которого скончался Преподобный Нектарий Оптинский. Это архимандрит Спиридон (Ефимов), который был ближе всех по духу ко Владыке Иоанну, и другие.

Канонизация старца Германа Аляскинского

В 1970 году Русская Православная Церковь за рубежом прославила старца Германа Аляскинского в лике преподобных. Торжество происходило в кафедральном соборе Сан-Франциско. Глеб и Евгений в посте и молитве писали к этому прославлению особую службу в честь преподобного Германа. Русский текст службы был отпечатан в Джорданвилле, английский – в Платине. До чего же радостно было то событие! Первое прославление православного святого Америки, да и всего Западного полушария.

Братьям думалось: наверное, с таким благоговением прославляли за 67 лет до того в России преподобного Серафима Саровского.

Глеб писал в «Православном слове»: «Великий святой Серафим Саровский приветствовал всякого во всякий день по-пасхальному: «Христос воскрес!» – и в ночь своего преставления пел пасхальные гимны, несмотря на то, что зима была в разгаре; и предрек собственное причисление клику святых, что должно было обернуться великим праздником: «Радость моя, что за радость нас ждет, когда среди лета запоют Пасху».

И верно: все присутствовавшие 19 июля / 1 августа 1903 года при канонизации преподобного Серафима Саровского, а их было много тысяч, от Царя до простолюдина, отмечали необычайный праздник в душе, воистину пасхальные торжества.

Предрек преподобный Серафим и то, что вскорости ожидают Россию великие и долгие бедствия, страна потонет в крови, народ будет тяжело страдать, многих русских судьба разбросает по всему белу свету...

И вот теперь, во времена предсказанных смуты и гонений, истинно православные... во второй раз познали «Пасху посреди лета» при канонизации современника преподобного Серафима – преподобного Германа Аляскинского – в соборе Сан-Франциско. Никто из присутствующих, конечно, не чаял такого чуда. Но после службы в субботу вечером и, разумеется, после воскресной литургии общим настроем можно было бы выразить только такими словами: «Будто снова Пасха пришла!»

В тот день преподобные Серафим Саровский и Герман Аляскинский встали рядом в лике святых. В памяти верных Христовых оба остались как просиявшие в свете Фаворском при жизни земной. При жизни земной они были ровесниками и даже проходили в одни и те же годы послушнический иску в Сарове. Никаких сведений об их личном знакомстве не осталось, но можно с большой долей вероятности предположить, что они были лично знакомы.

Во время торжества прославления Глеб вошел в алтарь, чтобы побыть наедине с преподобным Германом. Он вспоминал: «Я начал молиться и неожиданно ощутил, что здесь мой отец: я был сиротой, принятым в заботливые руки преподобного Германа, как некогда он призрел на Еловом острове алеутских сирот. Мне вспомнилось первое виденное в жизни пострижение в монахи, в Джорданвилле в 1954 году. Новопостриженному дали имя Герман в память основателя Валаама. В то время мне подумалось: «И мне бы так». Сейчас, предстоя перед преподобным Германом, я умолял его: «Пусть это станет моим уделом! Прими меня монахом! Сегодня твой день, твой час».

Тихо подошел Евгений. Я сказал:

– Решено – буду молить о монашеской жизни. Но тебя не принуждаю, это касается только меня.

– И я хочу стать монахом, – прошептал Евгений».

Братья вышли из алтаря и стали читать канон новому святому, Глеб – на церковнославянском, Евгений – на английском.

Постриг в монахи

14 октября 1970 года Глеб и Евгений были пострижены в монахи.

В монашестве братья получили новые имена: Глеб стал отцом Германом – первым монахом, принявшим имя только что прославленного преподобного Германа Аляскинского, а Евгений – отцом Серафимом в честь преподобного Серафима Саровского.

В иконном углу у братии висел портрет отца Назария Саровского, игумена Валаамского. Во время молитвы отца Германа поразило: а ведь их постриг в монахи произошёл в день именин игумена Назария. И это не случайно: старец Назарий был духовным отцом их небесных покровителей – преподобного Германа Аляскинского и преподобного Серафима Саровского...

И вот новые американские подвижники, отец Серафим и отец Герман, подобно древним отшельникам, строят себе в лесу на не очень удалённом расстоянии друг от друга небольшие кельи, – повторяюсь, где нет ни водопровода, ни электричества, ни отопления, ни телефона. Келья отца Серафима называлась «Оптина» в честь Оптиной пустыни, а келья отца Германа называлась «Валаам» в честь Валаамского монастыря.

Вообще даже представить себе сложно: без удобств, зимой и летом жить в лесу, где нет ни души поблизости, где обитают ядовитые змеи, пумы, медведи. Одни насекомые как изводят в лесу... Есть описания пустынножителей, как жутко бывает в лесу одному, особенно ночью, какие страхи нападают, какие видения предстают перед глазами отшельника...

И всё же то, что их туда привело, оказалось гораздо сильнее всех страхов и неудобств... А привели их туда искренние намерения служить Богу и спасти свои души. И Господь хранил их.

Цель монашества – преображение человека

Цель монашества – перерождение ветхого греховного человека в нового, святого, и неспроста столь почитаем монашеством праздник Господня Преображения.

Отцы понимали, что само по себе преображение не произойдёт. Они не ждали, когда добродетели сами посетят их, они без усталости трудились, стяжая их, в уверенности, что Господь даст им силы. Каждый день шла непрестанная невидимая брань: недремлющим оком нужно следить за всеми уловками падшего человеческого естества и упреждать их.

Братья старались жить по завету преподобного Макария Великого: «Приступающим ко Господу надлежит, таким образом, прежде всего, даже против воли сердца, принуждать себя к добру, всегда с несомненною верою ожидая милости Господней; надлежит принуждать себя к любви, если кто не имеет любви; принуждать себя к кротости, если кто не имеет кротости; принуждать себя к тому, чтобы милосердным быть и иметь милостивое сердце; принуждать себя к тому, чтобы терпеть пренебрежение, и когда пренебрегают – быть великодушным, когда унижают или бесчестят, не приходить в негодование; надлежит понуждать себя к молитве, если не имеет кто духовной молитвы. В таком случае Бог, видя, что человек столько подвизается и против воли сердца с усилием обуздывает себя, даст ему истинную кротость, утробы щедрот, истинную доброту, и одним словом, исполнит его духовного плода».

Главное средство духовного перерождения – искреннее покаяние, осознание своей греховности всем сердцем, прозрение самых скрытых грехов и готовность жизнь положить, чтобы искоренить их и измениться. Жизнь на земле человеку дана, чтобы он встал на этот путь борьбы. Как сказал один святой: «Да, мы не можем победить наших страстей, но мы должны с ними бороться!». Надо показать своё произволение, своё намерение: стремлюсь ли я к Богу

или нет? А как показать это стремление? Борьбой с грехом внутри себя и покаянием в случае совершения греха. Грешим мы постоянно: вот поэтому-то отцы и творили непрестанную покаянную молитву. Это путь святых отцов.

Надо понять, что грех (злоба, ненависть, зависть, алчность, гнев, разврат и тому подобные) – это то, что мучает человека, приносит ему страдания. Грех – это рана, которую человек наносит сам себе. Покаяние – это лекарство. Цель же всей духовной жизни – приобретение смирения.

Об этом хорошо сказал святой Исаак Сириный: «Воздаяние бывает не добродетели и не труду ради неё, но рождающемуся от них смирению. Если же такового не бывает – напрасны все труды и все добродетели». Поэтому, согласно учению святых отцов, совершенство человека измеряется не прозрениями и не чудотворениями, а степенью приобретения им смирения. Если же такового не будет – все добродетели и труды напрасны, ибо они приведут к сомнению и гордости. А это худшее, что можно представить для человека.

Покой и тишина

Тихая отшельническая жизнь настраивала сердца духовных друзей на особый лад. Отец Герман так писал об этом: «Внимание наше мало-помалу обратилось к жизни вокруг. Мы увидели её такой, как она есть, без шора человеческих мнений и суждений. Выл ветер, менялась погода, а с ней и настроение, шумел лес, гомонили птицы, копошились зверушки. Всякое дыхание дерева или растения исполнилось большого значения. Умирилась душа. Глаза стали прозревать сущность вещей, а не только внешнее, броское. Нас посещали любящие и готовые помочь друзья, но были они, пожалуй, даже в обузу: докучали своими поверхностными суждениями, заботой о преходящем, мирском, слепотой к истинно сущему. Какая же радость ложилась на сердце, когда вновь воцарялись покой и тишина, которая красноречивее любых слов».

Какой же ты счастливый!

Епископ Нектарий (Концевич), часто навещавший отцов в пустыни, много им рассказывал об Оптиной Пустыни, старцах и России тех лет. Вспоминая Святую Русь, коей ему больше не суждено было увидеть, епископ Нектарий едва сдерживал слезы.

Однажды, пробыв у отцов в Платине изрядное время, он собрался уезжать. Отец Серафим по старому монашескому обычаю провожал гостя колокольным звоном. Отец Герман помахал вслед машине, вернулся, а брат его всё звонил и звонил. И на лице его играла улыбка.

– Чему ты рад? – спросил отец Герман.

– Какой же ты счастливый – в твоих жилах течет русская кровь! – ответил тот и отпустил колокольную веревку.

Немного времени спустя отец Герман выговорил ему за «однобокую любовь», ведь каждому народу есть чем гордиться.

– А епископ Нектарий оплакивал Оптину, – просто возразил отец Серафим.

– Ну и что? Неужели ты ничего бы не стал оплакивать в Америке?

– Великий Каньон или Золотые Ворота я бы уж точно оплакивать не стал, – улыбнулся отец Серафим.

Священство

17/30 декабря 1976 года отец Герман был посвящен в сан иеромонаха, а 11/24 апреля 1977 года – и отец Серафим. Рукоположил их епископ Нектарий.

Отец Герман рассказывал: «Интересно, во время рукоположения отца Серафима, которое совершал епископ Нектарий (ученик оптинских старцев), когда будущий священник кладет голову на четыре угла престола и архиерей покрывает её епитрахилью и молится, – а я стоял в алтаре рядом, мы пели “Господи, помилуй”, я был близко к владыке Нектарию, и наши глаза вдруг встретились, – владыка Нектарий мне шепнул: “Только бы передать, только бы передать”, – и весь-весь был красный, пот так градом лил. У меня аж дрожь по телу пробежала, я увидел: он сознательно все это делает. Не просто совершает обряд, но ощущает в себе апостольскую благодать и хочет ее передать. И эта его апостольская благодать в оптинской традиции, оптинского опыта. И передал, и отец Серафим получил».

Владыка помнил слова оптинского старца Нектария, слышанные им в молодости лично, о грядущем на землю духовном голоде, и теперь он возлагал все свои надежды на просвещение многих на этих новых пастырей Христовых. Он напутствовал их: «Неважно, сколько вас – десять или всего двое. Радуйтесь, ибо вы служите Господу Богу, вы – на правильном пути».

Скит во имя святой блаженной Ксении Петербургской

В поисках духовной жизни приходили в Свято-Германовскую пустынь и женщины. И вскоре, в 1980 году, в двенадцати милях западнее монастыря – в сторону Тихого океана, до которого около ста миль, в местечке, называемом Дикий лес, образовался женский скит во имя святой блаженной Ксении Петербургской, особо почитаемой отцами Серафимом и Германом Платинскими.

Блаженная Ксения была современницей преподобного Серафима Саровского и Германа Аляскинского, и последний вполне мог встречаться с блаженной Ксенией в Петербурге).

Игуменией скита стала ревностная духовная дочь отца Серафима и постриженица отца Германа – матушка Бригитта, получившая свое монашеское имя в честь первой православной святой монахини Ирландии. О новой матушке Бригитте отец Серафим говорил: «Это как я, только женщина». Сестер Свято-Ксениевского скита отец Серафим духовно окормлял до конца своей жизни.

В своем Новом Валааме братия придерживались валаамского устава. Исповедь бывала ежедневно. После вечерней службы монахи, по очереди, открывали свои помыслы духовнику, а тот утешал и назидал их с любовью. Поздно ночью, когда все уже спали, отец Серафим приклонял свои колени в алтаре в теплой молитве за чад своих духовных.

Миссионерский монастырь

Спустя годы, как и предсказал Владыка Иоанн, пустынь преобразуется в миссионерский монастырь имени преподобного Германа Аляскинского, где будет осуществляться издание миссионерской литературы, главной характеристикой которой является передача святоотеческого учения о принципах и законах духовной жизни, которые существенным образом отличаются от ложных католических и протестантских доктрин.

Глеб и Евгений распространяли не только известные богословские труды, но также активно издавали свою церковную литературу. Прежде всего необходимо указать на журнал «Православное слово» (The Orthodox Word), название, которое посоветовал и благословил Иоанн Шанхайский. Цель издания – познакомить американцев с первоисточниками православной веры. В этом братья сходились бесспорно. Они много и горячо спорили о том, помещать иллюстрации в самом журнале и на его обложке. Вскоре этот вопрос бы улажен, и в 1964 году вышло первое печатное слово молодых сподвижников.

В 1977 году отцы основывают «Летнюю школу паломника имени преподобного Германа», в рамках которой читают лекции и совершают богослужения. Для желающих получить более глубокие знания открывают Нововалаамскую Богословскую академию.

Монастырь Преподобного Германа Аляскинского, настоятелем которого был отец Герман до 2000 года, дал основание для открытия восьми других монастырей в Америке где более 80 человек были пострижены в монашество.

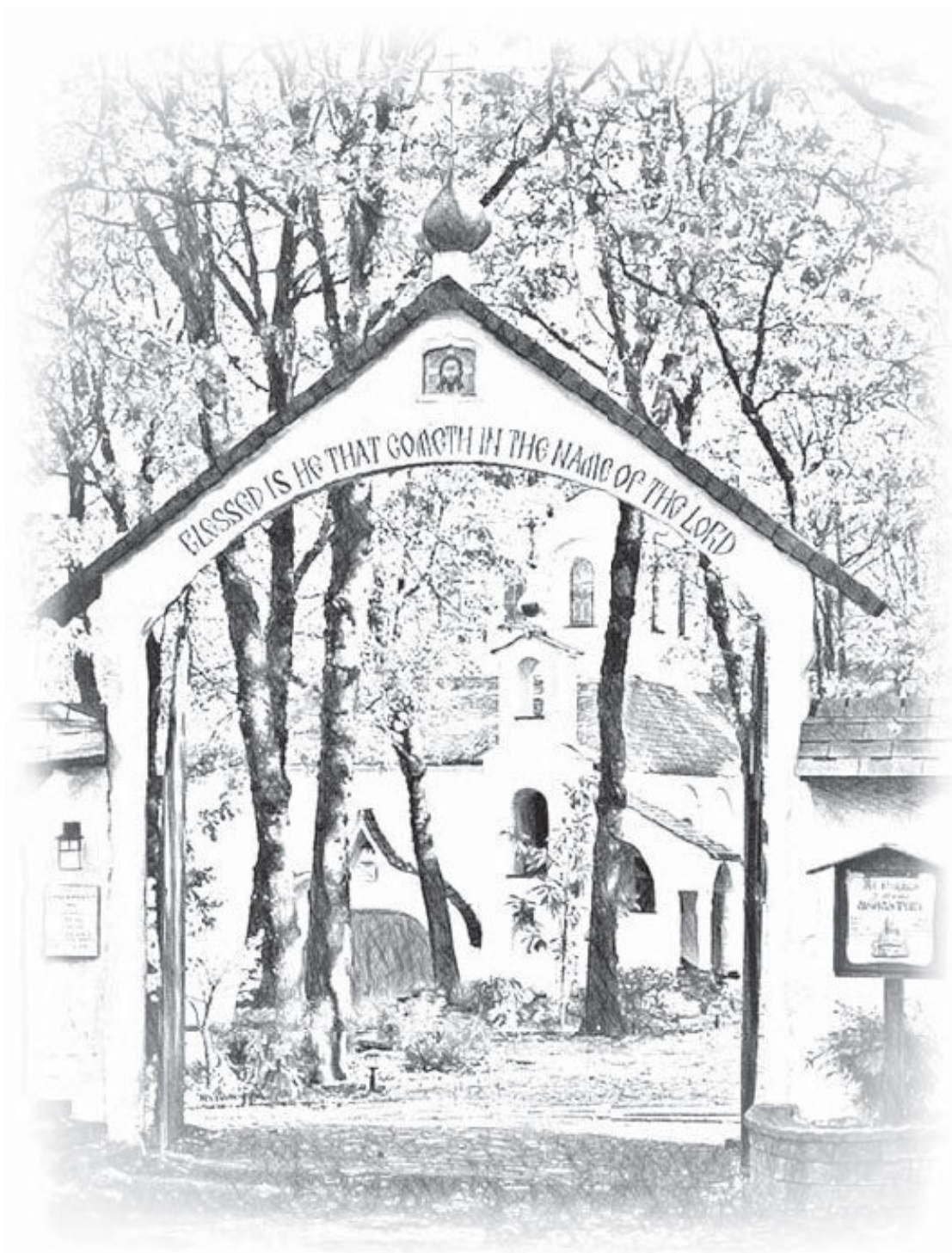
Братия монастыря возобновили издание православного журнала «Русский Паломник», который когда-то начинал издавать Иоанн Кронштадтский, но печать которого была приостановлена из-за революции 1917 года. Интересно будет сказать, что Святейший Патриарх Алексий II собственными руками раздавал «Русский Паломник», полученный им от отца Германа, сотрудникам Патриархии. Так понравился ему журнал!

В июле 1992 года отец Герман с братией приедут в Россию и создадут там миссионерский филиал – Российское Отделение Валаамского Общества Америки.

Книги отца Серафима станут известными на весь мир, благодаря чему тысячи и тысячи американцев, европейцев, русских и людей других национальностей примут Православие.

Монастырь Преподобного Германа Аляскинского, Платина, США

Монастырь Преподобного Германа Аляскинского, Платина, США

Наверное, самые важные для современного человека книги отца Серафима – это «Душа после смерти» и «Православие и религия будущего», которые каждому стоило бы прочитать!

Честна пред Господом кончина преподобных Его

Профессор МДА А. И. Осипов, оценивая жизнь и труды отца Серафима Роуза, американца с русской душой, говорил о нём: «Его слова, ревностный поиск Истины и пример его жизни очень назидательны. Это святой человек».

Святость батюшки удостоверял и Архиепископ Хризостом: «Тело его, в жару позднего калифорнийского лета, лежавшее в досчатом гробу посреди монастырской церкви, на взгляд и ощупь оставалось совершенно живым, а вид лица был настолько светлым и утешительным, что мы, вопреки старинному монашескому обычаю, не решились закрыть его. Даже дети стояли кругом гроба, не в силах отойти прочь. Перед нами лежал человек святой жизни, нарушивший природный процесс распада, и наши сердца откликнулись на Божию благодать», – писал он в журнале *Orthodox America* «Воспоминания об отце Серафиме» в 1982 году.

Отец Герман неоднократно подчеркивал, что отец Серафим был человеком непростой судьбы, которому открылось Православие, и которое он страстно желал передать молодым американцам. Он был неустанным тружеником на ниве Христовой. Именно проповедь Православия стала главным делом его жизни, к нему устремилась пылкая и деятельная душа подвижника.

Отец Герман свидетельствовал о двух чудесных прижизненных явлениях своего духовного собрата: «Много раз отец Серафим получал небесное заступничество и утешение от своего почившего духовного отца – владыки Иоанна Шанхайского. Однажды, отслужив Литургию, он вручил большую сумму денег одному послушнику, брату Григорию, который собирался идти в магазин. Набив рюкзак продуктами, тот в ужасе обнаружил, что деньги исчезли. Позволив по телефону отцу Серафиму, он получил благословение вернуться в храм. Там его встретил отец Серафим, который подошел и указал на его нагрудный карман, сказав: «Они здесь. Так сказал владыка Иоанн. Ты ведь забыл помолиться ему?» Деньги и правда были там. Отец Серафим утешил Григория и рассказал ему, как после телефонного разговора он склонился перед портретом владыки Иоанна (он не был тогда еще прославлен церковно), прося помочь отыскать деньги». Так искушение послужило проявлением святости и благодати.

Второй случай таков. Однажды, во время чтения канона в воскресенье, один из алтарников видел отца Серафима сияющего небесным светом. Он тогда ничего не понял, но позже, прочитав о похожем случае, бывшим с преподобным Серафимом Саровским, понял, свидетелем какого чуда стал тогда.

Некоторые мысли отца Серафима:

«Очнитесь, прошу вас, интересуйтесь, узнавайте, исследуйте! Не надейтесь, что кто-то другой за вас во всём разберётся и растолкует вам Православие».

«Не критикуйте и не судите окружающих; смотрите на людей как на ангелов, оправдывайте их ошибки и слабости, а себя самого осуждайте как последнего грешника. Из всего, что необходимо в духовной жизни, это – первое».

«Православие не может быть «удобным», если оно, конечно, не подделка. Без боли в сердце нельзя прикоснуться к Богу».

«Сейчас позже, чем мы думаем. Апокалипсис совершается уже сейчас. И как печально видеть христиан, над головами которых нависает эта немыслимая трагедия и которые думают, что они могут в эти ужасные времена продолжать то, что называется «нормальной жизнью», полностью участвуя в прихотях безумного, самообольщающегося поколения».

«Смерть и есть именно та реальность, которая пробуждает в человеке сознание различия между этим миром и миром грядущим, вдохновляет на жизнь, исполненную покаяния и очищения, пока у него есть драгоценное время».

«Человек, считающий себя самодостаточным, в дьявольской ловушке, а тот, кто мнит себя «высокодуховным», и вовсе – осознанно или нет – прямой пособник сатаны».

«Все земные занятия, наслаждения, почести, преимущества – пустые игрушки, которыми играют и в которые проигрывают блаженство вечности взрослые дети...».

«Современный человек в своём самообожании не гнушается никакими доступными путями, не замечая, что опускается всё ниже и ниже, в самую грязь, куда раньше брезговал вступать».

«Мы на Западе живем в “райском заповеднике” для «идиотов», которому вот-вот придёт конец».

«Бойтесь не людской ненависти, а ненависти в своей душе».

«Современное искусство празднует рождение новой твари – нижеестественной и глубоко порочной».

«Церковь есть организм, а не организация. Всякая псевдо-церковная организация, поскольку она организация, в конце концов поклонится антихристу».

«Полное забвение православных принципов духовной жизни породило лжехристианскую духовность, вполне соответствующую «новому религиозному сознанию», которое прокладывает путь единой, общемировой религии и знаменует начало «бесовской пятидесятницы» последних времен».

«Приди Христос в мир сегодняшний, знаете, что бы с Ним сделали? Посадили бы вместе с Его святыми в сумасшедший дом. Мир распял бы Христа точно так же, как и две тысячи лет назад».

«Мы во всём должны видеть что-либо полезное для нашего спасения. Научимся – спасёмся!».

«Борцов за мир и проповедников насилия объединяет абсурдная уверенность, что человечество способно исправить невыносимое положение своими собственными жалкими силами и губительными средствами».

«Ныне сатана не таясь вступает в историю человечества».

«Как некогда евреи не узнали Христа из своих ветхозаветных пророчеств, так и христиане не различат знамений времени».

«Я смотрю на старшее уходящее поколение и, глядя на них, чуть не плачу о наших юных всезнайках, которые так ничего и не поняли. Ведь понимание нужно выстрадать, а кто сегодня на это способен?»

«Желающие устроить счастье на земле без веры в Бога, устраивают на земле ад».

«Если не питать душу каждодневным чтением духовной литературы и молитвою, если не поддерживать святоотеческое мироощущение в своей душе, то суета и бытовые нужды постепенно поглотят нашу душу и мы будем всё больше и больше отходить от веры, хотя формально будем верующими. Свою веру надо питать и взращивать – она требует постоянной работы нашей души, иначе терния грехов и суетных дел нас полностью поглотят и мы погибнем духовно. Возможно, самый страшный грех – это суета, которая отнимает у нас веру, а без веры человек не имеет опоры и тогда дом своей жизни он строит на песке».

«Каждый день мы всё ближе к смерти, ближе к решению нашей вечной участи. И если из года в год наш союз с Богом не становится всё теснее, вера – крепче, а привязанность к миру – слабее, значит, мы плохо готовимся к этому шагу».

Смерть и похороны отца Серафима

Отец Герман говорил о категоричности в отношении сохранения веры отцом Серафимом. «Сейчас многие подвержены такой идее, что, мол, Православие нужно сделать «удобным» для современного человека, упразднить подвижничество, как бы подделаться к жизни светской и таким образом идти в ногу со временем. Конечно, не все могут быть аскетами, но вот отец Серафим это полностью отрицал, знать об этом не хотел. И поэтому в его писаниях много жесткого, твердого.

Он был против служения в вере, как он говорил, «сидя в кресле, попивая кофе и, может, виски» – эдакое «наслаждение» от веры, ехать, как он выражался, «на проценты мучеников». Мы видим сегодня омирщвление Православия – такого Православия, может, и достаточно для некоторых, но оно довольно слабо для таких, как отец Серафим, которые желают иметь все или ничего: вера или смерть. Можно сказать, так он и скончался – как бы сгорел, ему хотелось подлинного, не считаясь совершенно даже с собой. Мы мерзли, нам было холодно и голодно, но нас вдохновлял тот факт, что народ, который нас слышит, может понять эту точку зрения, может принять опыт страданий ради Христа – чтобы такое Православие распространилось».

В 1982 году, на праздник Преображения Господня, отец Серафим с братией совершили крестный ход на вершину горы, где над пропастью возвышался большой крест. На вершине встретились с крестным ходом сестер скита блаженной Ксении. Отец Серафим в белом облачении подошел ко кресту и сделал всем знак погасить свечи. Минуту молчал, глядя то в темную пропасть, то в звездное небо. Многим в тишине припомнилось, как восемь лет назад он говорил о том, как коротка жизнь человеческая, как мало нам отпущено, чтобы успеть приготовить душу свою к жизни вечной.

Но вот он заговорил: «Слава Царствия Божия открывается ищущим его не сразу, но постепенно и как бы неясно, как бы сквозь туман. Вполне достигнуть нашей цели мы сможем лишь на Небе в будущей жизни. Но для этого нам надо всем сердцем и помышлением возжелать его в этой жизни, отбросить всякую суету и страсть, мешающие осознать цель нашей жизни и склоняющие нас к миру дольному и падшему. Будем же всегда стремиться достигнуть Небесного нашего Отечества!»

Это была последняя его проповедь. На следующее после преображенской всенощной утро отец Серафим совершил последнюю свою Литургию.

Начались сильные боли в животе. Сначала никто не знал об этом, потому что отец Серафим затворился в своей келье и там молился. Но вскоре болезнь обнаружилась. Братия, не смотря на его нежелание, настояли на помещении его в больницу. Врачи предупредили о возможном скором летальном исходе. Весь в бинтах и под капельницей, отец Серафим лежал на постели, словно распятый на кресте. Он сильно страдал, члены его содрогались от боли. Бывшему при нем отцу Герману он смог сообщить, что ему было явление владыки Иоанна из вышнего мира и что владыка Иоанн ему открыл... что открыл – того сказать уже не смог, хотя и старался. Он был очень слаб, мешали говорить кислородные трубки во рту. Отец Герман говорил позже, что отец Серафим пережил в больнице настоящее мученичество.

Перед смертью он причастился. 20 августа / 2 сентября 1982 года душа его, сопровождаемая молитвами многих духовных его чад, отошла ко Господу. Земной жизни его было сорок восемь лет.

Вот слова профессора МДА Осипова А. И. о последних днях отца Серафима: «Отец Серафим заболел тяжелейшей болезнью, болезнью, связанной с ужасными муками и страданиями. Он так страдал, что пришлось его буквально связать... Великая милость Божия – Господь показал отцу Серафиму, кто он есть, как только Господь отступил, чуть-чуть отступил – уже хулит Бога, как Апостол Пётр, отрекается от Бога. Господь промыслительно послал отцу Серафиму такое падение, чтобы он увидел себя, покался, смирился. Умер он примирившись, смирившись и раскаявшись. Этот случай замечателен. Какова милость Божия – Бог дал ему возможность увидеть себя, кто он есть без Бога. Мое мнение, Серафим Роуз – это действительно святой человек...»

За три дня (с момента смерти до похорон) тело отца Серафима не одеревенело, не начало разлагаться, несмотря на летнюю жару. Кожа не приобрела серо-синеватый оттенок, а оставалась теплой, золотистой на вид, была мягкой, как у «спящего младенца», по словам одного из паломников. Другой, профессор из Беркли, сказал, что тело «подобно святым мощам». Нетлен-

ность издавна считалась в Православной Церкви признаком святости. Все находившиеся в ту пору в монастыре считали, что это проявление благодати Божией.

Лицо отца Серафима в гробу прояснилось, разгладилось, воссияло покоем и счастьем, и хотя монашеский обычай предписывал накрывать лицо усопшего, этого делать не стали. Он лежал будто живой, и выглядел моложе, чем при жизни. Весь вид его свидетельствовал о победе над смертью, и множество людей проводили долгие часы в молитве у гроба. Маленьких детишек приходилось едва ли не силой уводить из церкви – столь сильно было настроение любви и покоя. «Усните ныне, утомленные глаза,» – вспомнились отцу Герману строки кантаты «Имел довольно я», когда он смотрел на блаженный лик покойного. Отец Серафим наконец разгадал тайну смерти, которая не давала ему покоя всю его сознательную жизнь.

Гроб отца Серафима засыпали землёй, и всеобщая скорбь стала сменяться радостью – не сговариваясь, все запели «Христос воскрес из мертвых». Слова, которые некогда отец Серафим сказал о похоронах архиепископа Иоанна, цитируя святителя Игнатия Брянчанинова, могут теперь быть отнесены к нему самому: «Видели ли вы когда-нибудь тело усопшего праведника? Оно не смердит, к нему подходят без страха. А на похоронах скорбь растворяется в неизъяснимой радости. Это знак того, что душа усопшего стяжала милость и благодать Божию».

Испытание

Не прошло и трех месяцев после смерти отца Серафима, как сгорела монастырская церковь. Пламя занялось внезапно, зимним утром. Отец Герман в ту пору возвращался из миссионерской поездки по Австралии и Новой Зеландии. Спасти удалось лишь икону преподобного Германа.

На беду братии живо откликнулся епископ Нектарий. Вот что он писал:

«Знаю о постигшем Вас испытании. Вместе с Вами глубоко переживаю эту, на первый взгляд, кажущуюся скорбь. Но без промысла Божия этого пожара не произошло бы, а если так, то вспомните джорданвилльский случай, когда в день освящения дотла сгорает построенная церковь, а теперь стоит величественный храм и монастырь является зарубежной Лаврой.

Так, по неизреченной милости Божией, произойдет и у Вас. По молитвам Вашего Небесного Покровителя, преподобного отца нашего Германа Аляскинского и, конечно, по молитвам Вашего сотаинника, покойного иеромонаха отца Серафима, Господь воздвигнет каменный, просторный и уютный Храм.

Бог есть Бог живых, а не Бог мертвых. И Владыка Иоанн, и отец Серафим живы у Господа и, несомненно, имеют дерзновение у Престола Божия. Обращайтесь к ним. Чувствуйте и верьте их молитвенному заступничеству и помощи».

Предсказание епископа Нектария сбылось через пять лет, когда «просторный и уютный храм» и впрямь вырос на месте прежнего. Был он в три раза больше старой церкви и построен наподобие главного валаамского храма, возведенного игуменом Назарием. Епископ Нектарий не дожил до этого дня. Написав письмо, он через три недели скончался.

Скорби отца Германа

Из-за чиновничьего бюрократического мышления и банальной человеческой зависти отец Герман, так же как и Владыка Иоанн в своё время, подвергся гонению.

Исполнять «приговор» выпало архиепископу Антонию. Отца Германа телеграммой вызвали к нему. Его обвиняли в причастности к коммунизму, потому что он, будучи в Лондоне, принял благословение от иерарха Московской Патриархии, митрополита Сурожского Антония (Блума). Отец Герман пытался было ответить, но архиепископ Антоний перебил его, сказав,

что не интересуется его мнением, – так вместо отеческой заботы явил он жестокость и враждебность к подчинённому ему священнику. Были воздвигнуты новые обвинения на отца Германа, и в итоге его лишили сана.

Не желая вдаваться в церковную политику, скажем лишь, что это «папство» архиепископа Антония и компании ничего общего не имеет с духом Православия. Архиепископ Антоний «явился лишь слепым орудием в руках Божиих» (выражение Святителя Игнатия Брянчанинова), чтобы отец Герман, пройдя через все страдания и испытания, которые ему выпадут, обрёл блаженство, ибо сказано Господом: «Блаженны вы, когда будут вас поносить и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас», а также: «Если мир вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел. Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое; а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир».

Споры о сани отца Германа разрешил в 1991 году Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II. Он пригласил сослужить ему отца Германа в сущем сани на праздник Успения Пресвятой Богородицы в Успенском соборе Московского Кремля. Отец Герман был награждён почётными наградами из рук Патриарха. Теперь, когда Русская Православная Церковь Зарубежом воссоединилась с Русской Православной Церковью, эти распри кажутся просто очередным искушением, выпавшим на долю отца Германа.

III. Портрет отца Германа

Попытаемся составить краткий портрет батюшки.

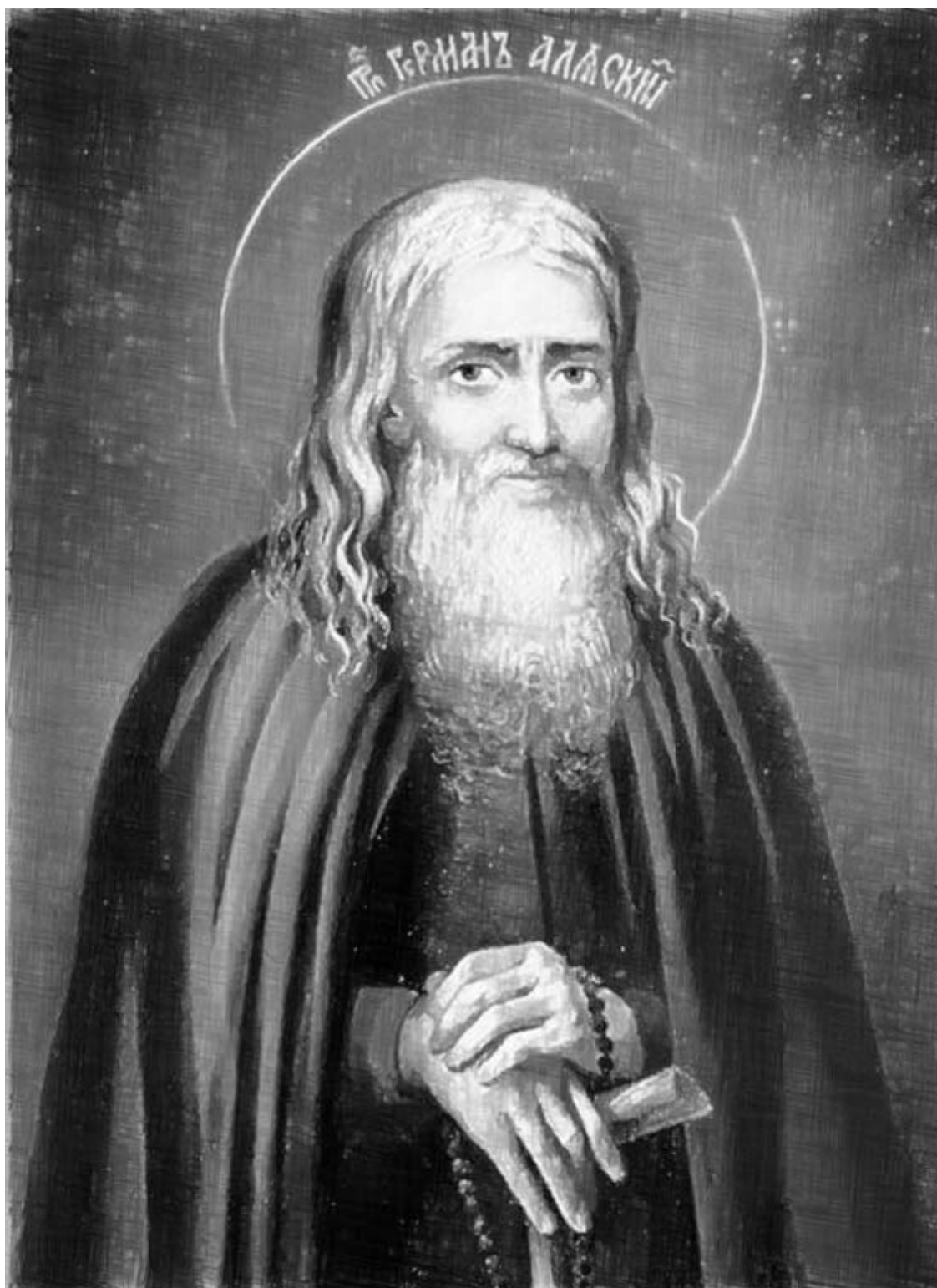
Отец Герман был разносторонним и очень образованным человеком: знал несколько иностранных языков, прекрасно разбирался в классической литературе, музыке, поэзии. Он и сам писал талантливо – те, кто читал журнал «Русский Паломник», понимают, про что идёт речь. Кстати, о журнале «Русский Паломник», о котором очень положительно отзывался Патриарх Алексий II, можно смело говорить как о дневнике батюшкиной души, так как отец Герман был его единственным автором и редактором.

Все мы знаем книги отца Серафима (Роуза), но мало кто знает, что именно отец Герман был его вдохновителем на писательские труды и полноценным соавтором многих из них. Есть даже такое мнение, что в будущем можно будет переиздать книги, которые мы знаем как книги, написанные отцом Серафимом, с подписью: «Отцы Серафим и Герман Платинские».

Интересно будет сказать, что замечательная книга «Не от мира сего» была буквально записана под диктовку отца Германа, как сам батюшка об этом свидетельствовал в одном из своих писем. Также достоверно известно, что книга «Оптина пустынь и её время» является плодом совместной работы отца Германа с профессором И. М. Концевичем.

Талант отца Германа не ограничивался только написанием книг и стихов – батюшка был прекрасным иконописцем. Известно, что первая икона преподобного Германа Аляскинского принадлежит кисти отца Германа, также батюшкой написана икона Владыки Иоанна (Максимовича) и другие. Кстати, Павел Филонов, выдающийся русский художник-авангардист, приходится батюшке дядей...

Герман Аляскинский

Батюшка в душе был художник, он чутко чувствовал и ощущал красоту и её благотворное влияние на человека. Благодаря высокому искусству и всепроникающей красоте когда-то юному Глебу удалось ощутить присутствие в мире Самого Бога... Батюшка говорил, что человек должен творить красоту и ею делиться с окружающим миром.

В общении отец Герман был деликатен и прост, обладал хорошими манерами и отменным чувством юмора. Как-то на вопрос одного человека: «Вы игумен?», батюшка ответил: «Я игу-

мен, но не умен – вот поп Семён, тот умен!» Проявлялся в отце Германе и артистический дар, иногда во время своих выступлений он мог внезапно что-то спеть или напеть какой-то мотив.

С батюшкой нельзя было соскучиться! Общаясь с молодёжью, он пытался найти в каждом человеке его творческие способности, пробудить их в нём: одного поддерживал в поэтических начинаниях, другого благословил начинать писать статьи, а впоследствии и книги, начинающим фотохудожникам помог организовать их первую выставку и т. п. Если у кого-то имелись какие-то ярко выраженные способности к творчеству, он просил человека развиваться в этом направлении. Отец Герман читал небольшие лекции для молодёжи о классической литературе, музыке, поэзии, давал перечень книг, которые надо прочитать, называл композиторов и их произведения, которые надо послушать. Батюшкины духовные чада рассказывали, что они вместе с отцом Германом читали роман «Евгений Онегин», смотрели оперу «Борис Годунов» и другие.

Отец Герман хотел показать молодёжи, что есть прекрасное творчество, возвышающее душу человека и облагораживающее её. Он хотел дать современной молодёжи альтернативу той пошлой, вульгарной, злой, безнравственной и развратной культуре, которая насаждается сегодня по всем СМИ (не только в России, а уже почти по всему миру). Отец Серафим (Роуз) придерживался того же мнения и писал: «Современное искусство празднует рождение новой твари – нижеестественной и глубоко порочной». Он также высказывался об американском обществе: «Мы на Западе живём в «райском заповеднике» для «идиотов», которому вот-вот придёт конец».

В контексте этих размышлений будет уместно привести слова одного из известнейших психоаналитиков XX века К. Г. Юнга, который предупреждал людей об опасности просмотра и прослушивания отупляющей, негативной и безнравственной информации: «Сознание не может безнаказанно мириться с торжеством аморального, и возникают самые тёмные, подлые, низменные инстинкты, не только уродующие человека, но и приводящие к психическим патологиям».

Отец Герман был также великолепным психологом. К нему приходило большое количество людей, и со всеми он находил общий язык, быстро располагал к себе собеседника. Имея дар прозорливости, отец Герман приходящему человеку говорил именно то, что тому было необходимо услышать в данную минуту, отвечал на незадаанные вопросы и недоумения, видел никому неизвестные грехи его собеседника, знал, что происходит с его духовными чадами на большом расстоянии от него.

Говоря о батюшкиной прозорливости, интересно будет привести мысли одного из святых, который говорил, что человек, достигший высокого духовного уровня развития, начинает видеть то, что ниже его (сущность самой природы), что равно ему (души других людей) и то, что выше его (потусторонний мир). Нам, конечно, трудно говорить о том, что отец Герман видел потусторонний мир...по крайней мере мы об этом ничего не знаем, но то, что батюшка видел души других людей – это бесспорно.

Рассуждая на данную тему, интересно будет отметить, что история Церкви свидетельствует о том, что были святые люди, которые очистились от греховных страстей (насколько это было возможно) и что душа их стала способна к восприятию Бога, Который открывал им тайны духовного мира и наделял этих очистившихся, духовных, обновлённых людей дарами Духа Святого.

Святые ходили по воде как по суше, исцеляли больных одним прикосновением руки, видели души других людей, пророчествовали, поднимались во время молитвы в воздух, общались с медведями, со львами и другими животными без страха быть ими растерзанными... На некоторых святых иногда нельзя было смотреть, так как от их лика исходил такой сильный свет, что он буквально ослеплял другого человека, и так далее.

Это лишь внешняя сторона дела, которая, конечно, впечатляет, но намного более сильные переживания святые испытывали внутри себя, о чём говорил Апостол Павел: *Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце, что уготовил Бог любящим Его* (1 Кор. 2, 9). «Когда Дух Божий приходит к человеку и осеняет его полнотою Своего наития, – говорил преподобный Серафим Саровский, – тогда душа человеческая преисполняется неизреченной радостью, ибо Дух Божий радостотворит всё, к чему бы ни прикоснулся Он».

Также преподобный Серафим в согласии с древними Отцами говорит, что если бы человек знал о состояниях блаженства, которые бывают уже здесь, на земле, а тем более в будущей жизни, то согласился бы прожить тысячи лет в яме, наполненной гадами, грызущими его тело, чтобы только приобрести это благо.

Отец Герман прекрасно знал учение святых отцов Церкви, глубоко проникся их духом, и любил их безгранично. С каким теплым чувством он говорил о святителе Тихоне Задонском, преподобном Паисии Величковском, Оптинских старцах, праведном Иоанне Кронштадтском, Владыке Иоанне Максимовиче, Святителях Игнатии Брянчанинове и Феофане Затворнике!

Как-то батюшка подарил одному из своих духовных чад дневник Иоанна Кронштадтского «Моя жизнь во Христе», другому «Старец Зосима Верховский. Письма и наставления». Очень рекомендовал читать книгу Святителя Тихона Задонского «Сокровище духовное, от мира собираемое», Святителя Феофана Затворника «Что есть духовная жизнь и как на неё настроиться», конечно, книги отца Серафима (Роуза), жизнеописания и поучения оптинских старцев, восемь томов которых были изданы основанным отцом Германом и отцом Серафимом Братством преподобного Германа Аляскинского.

В начале 90-х годов, когда в России практически не было никакой духовной литературы, отец Герман несколько раз привозил эти драгоценные тома про оптинских старцев и дарил их братии Оптинского монастыря. Братия монастыря очень благодарила его за эти книги, так как они возрождали оптинский дух. Настоятель игумен Венедикт сказал, что многие приезжающие в Оптину свидетельствуют, что пришли к Православию под влиянием этих книг.

Отцам Герману и Серафиму эти драгоценные книги, из тиража, некогда изданного в самой Оптиной Пустыни, но потом почти в полном объёме уничтоженного большевиками, передали супруги Концевичи. Иван Михайлович и Елена Юрьевна в 40-х годах прошлого века тратили чуть ли не последние деньги, чтобы только выкупить книги оптинской библиотеки, распродававшейся с аукциона в Париже. К слову сказать, Иван Михайлович Концевич – это брат Епископа Нектария Концевича, они оба являлись духовными чадами преподобного Нектария Оптинского.

В Америке отца Германа знали как ревностного проповедника, который объездил почти весь мир с православной миссией, он был инициатором открытия десятков православных книжных магазинов и приходов во многих странах мира. Известный в Америке протоиерей Роман Лукьянов говорил об отце Германе: «Его надо понимать как выдающегося православного миссионера!» Когда Владыка Иоанн Максимович был жив, он называл Глеба и Евгения своими любимыми духовными чадами, вероятно, прозревая в них своих преемников на ниве духовного просвещения Западных народов.

Так и получилось – отец Герман был продолжателем апостольского служения Владыки Иоанна. А как только появилась возможность приехать отцу Герману в Россию, он это сделал! Зная, что с открытием «железного занавеса» на Россию ринулись проповедники других конфессий и религий, он прилетел через океан, чтобы передать русскому народу то, что было уничтожено большевиками, – память о своём великом прошлом, о Святой Руси, о том, что в жилах новых поколений русских людей струится кровь Святой Руси...

Интересный момент – когда батюшка приехал впервые в Россию, он пал на землю и целовал её... Так любил он свою Родину – Россию, в которой волею судеб не суждено было ему прожить свою жизнь...

С мирской точки зрения отец Герман был успешный человек. Благодаря своей решительности и деловому складу ума ему удалось за достаточно небольшой период времени купить матери дом с видом на море (это одно из условий, которые она выдвинула для ухода Глеба в пустынь), открыть православный магазин, издательский дом, купить участок земли и основать там монастырь, быть его духовным лидером и пастырем для очень многих людей в разных странах мира. Достоверно известно, что у батюшки были духовные чада в Америке, Австралии, Германии, Дании и, конечно, в России.

Знаменитая «монашеская лагуна» – Еловый остров, где когда-то подвизался сам преподобный Герман Аляскинский, являлся собственностью гражданина США Глеба Дмитриевича Подмошенского. Кстати говоря, ему за эти земли предлагали огромные деньги! Он – нет, ни в какую! При этом ходил в потертой до дыр рясе и дырявых ботинках.

Несомненно, отец Герман был необычайный подвижник. Те, кто был в Платине (Калифорния, США) или хотя бы видел фотографии крохотной келлии отца Германа, находящейся в дебрях леса, в которой он прожил не один десяток лет, могут себе чуть-чуть представить, чего это ему стоило!

Как-то батюшка поделился с окружающими, как они с отцом Серафимом голодали, мёрзли, какие труды и лишения терпели в своей пустыни! Можно только удивляться, как люди так могли подвизаться... Есть много свидетельств о том какие видения, страхи и демонические нападения пережили пустынножители.

Известный своими письмами о духовной жизни Преподобный Иоанн (Алексеев), так же как и отец Герман, был пустынножителем. Вот что он писал одному человеку: «Жил я один в маленьком домике в Предтеченском скиту на Валааме. Сам себе готовил еду, растил овощи, а хлеб брал из монастыря, изредка и сам пек. Ночи любил проводить без сна, ложился всегда после двенадцати, в два или три часа. Конечно, днем спал, сколько требовалось природе. Однажды, в девять часов ночи, согрел самоварчик и вместо ужина стал пить чай. Вдруг слышу, что кто-то идет по коридору, отчетливо слышны шаги человеческие. Хорошо помню, что двери заперты. У меня мурашки пошли по телу, а кот сгорбился, и шерсть поднялась у него, точно ждет кого-то: откроется дверь, и войдет к нам. Я взял лампу, вышел в коридор, осмотрел везде, нет никого. Конечно, неверующий скажет, что это галлюцинация. Нет, это не галлюцинация, а именно бесы. Иногда были слышны стуки в раму, когда я читал свое правило, но всё не буду описывать».

На взгляд близких батюшке людей, больше всего в уникальной личности отца Германа привлекает именно его духовный облик. И главное, что его характеризует, – это, конечно, удивительное смирение батюшки. Святые отцы учат, что главным признаком обновленного человека является смирение, и указывают на то, что Бог есть величайшее смирение.

Бог стал человеком, уподобился во всё Своему творению, кроме греха. Это ли не смирение Бога? Христос добровольно взошёл на крест – в этом проявилась величайшая любовь Божия к падшему человеку и величайшее Его смирение. Итак, смирение – это божественное свойство. Отец Герман говорил о смиреномудрии как об одной из основных добродетелей, на которой зиждется всё здание спасения человека. Но что же такое смирение? Пару слов надо об этом сказать, так как для очень многих это понятие является камнем преткновения.

Смирение это не раболепство, не забитость, не пресмыкательство, не смиренничанье (игра в смирение), не покорность, не пассивность, а реальное видение человеком себя, своей души, её болезней – это то, что святые отцы называли познанием себя. Внешне человек может быть очень нравственным: всем улыбаться, ходить в Церковь, подавать нищим, молиться и поститься, делать добрые дела... А что же внутри у этого человека может происходить при всех этих положительных характеристиках? А внутри у него может расти самомнение и гордыня как на дрожжах от его «добродетельной» жизни... Это то, что святые отцы называют состоянием прелести (то есть лести самому себе. Приставка «пре» означает высокую степень чего либо.

В данном случае – лезть самому себе в высшей степени о своей «святости» и «добродетельности»). Пусть такой человек заглянет внутрь себя и посмотрит: а что ещё внутри есть? Зависть, неприязнь, лукавство, раздражительность, гневливость, несдержанность, озлобленность, плотские грехи... И вот когда человек увидит в себе свои страсти и грехи, увидит, что он не может не осуждать, не раздражаться, не ссориться с близкими людьми, не объедаться, не злиться, не тщеславиться. Он также поймёт, что не может сам справиться с этими грехами, а только с помощью Божией, – тогда человек начинает понемногу смиряться.

А как понять, есть у человека смирение или нет? Есть ли какой-то критерий, чтобы увидеть это? Вот он, этот критерий. Человек, у которого есть смирение, никого не осуждает, так как знает, что он сам грешник, он даже оправдывает человека, который грешит, молится за него.

Все святые имели величайшее смирение. Удивительный факт: святые видели себя самыми большими грешниками. И напротив, человек, который живёт во грехе и считает это нормой жизни, видит себя хорошим, даже праведным (ведь он никого не убивает и не грабит) и, конечно, осуждает с высоты своей праведности всех направо и налево.

Можно приводить бесчисленное количество высказываний и примеров из жизни святых, говорящих о важности смирения. Приведём некоторые из них.

Когда умирал Сисой Великий, он просветился как солнце – на него стоящая рядом братия не могла даже смотреть, так светился его лик... И вдруг слышат, что Сисой молится. Они спросили: «О чём ты молишься, Сисой?», он ответил: «Я молюсь, чтобы Бог дал мне ещё время на покаяние». Все были в недоумении и сказали ему: «Сисой, тебе ли каяться?» – «Я не знаю, братия, положил ли я хоть начало покаянию моему».

Ещё один интересный пример из Патерики. Как-то приходит к старцу монах и говорит ему: «Отче, во время молитвы я вижу Ангелов». Старец отвечал: «Это не велико. Велико будет, когда ты увидишь себя ниже всей твари».

Вот слова преподобного Иоанна Лествичника: «Мы не будем отвечать на Страшном Суде, что не богословствовали и не творили чудес, а ответим, что не плакали о своих грехах».

Известный духовник схиигумен Иоанн Алексеев в своих письмах пишет («Письма Валаамского старца»): «Не бойся, что видишь себя худой – это ведёт к смирению, а видеть себя святой – явная прелесть бесовская». Таких цитат и примеров можно приводить множество. Все они показывают самосознание святых: они видели себя недостойными Царствия Небесного, они видели себя великими грешниками.

Отец Герман часто говорил своим духовным чадам, смиряя их и себя, такие слова: «Мы недостойны, ты недостойн и тому подобное». Этим он косвенно указывал на их тщеславие и самомнение (он видел душу его собеседника). У самого отца Германа было потрясающее смирение, которое он приобрёл подвигом познания себя, борьбы с грехом и покаяния.

Батюшкины близкие знакомые свидетельствует, что за несколько лет общения с ним они ни разу не слышали от него осуждения кого-либо, каких-то резких высказываний в чей-то адрес, неприязни к кому-либо и тому подобное. Наверное, самое резкое, что батюшка говорил, это была критика деятельности Ленина, который давал распоряжения в отношении репрессий священнослужителей, что нужно расстрелять, как можно больше расстрелять и сделать это так, чтобы помнили десятки лет... Здесь батюшка говорил, но без злобы и гнева, без ненависти, а просто как факт, как страшный факт нашей истории...

О батюшкиных добродетелях можно говорить много. Какое терпение было у отца Германа! Как терпеливо он переносил разные скорби и болезни, которых у него было немало. Появись у человека малейшая скорбь – и он часто начинает унывать, из-за болезни малодушествовать. А батюшка при всех своих недугах поддерживал и утешал многих молодых и здоровых ребят, которые к нему обращались в трудную минуту жизни. Особенно поражало, как, придя к отцу Герману в плохом настроении и пообщавшись с ним какое-то время, человек

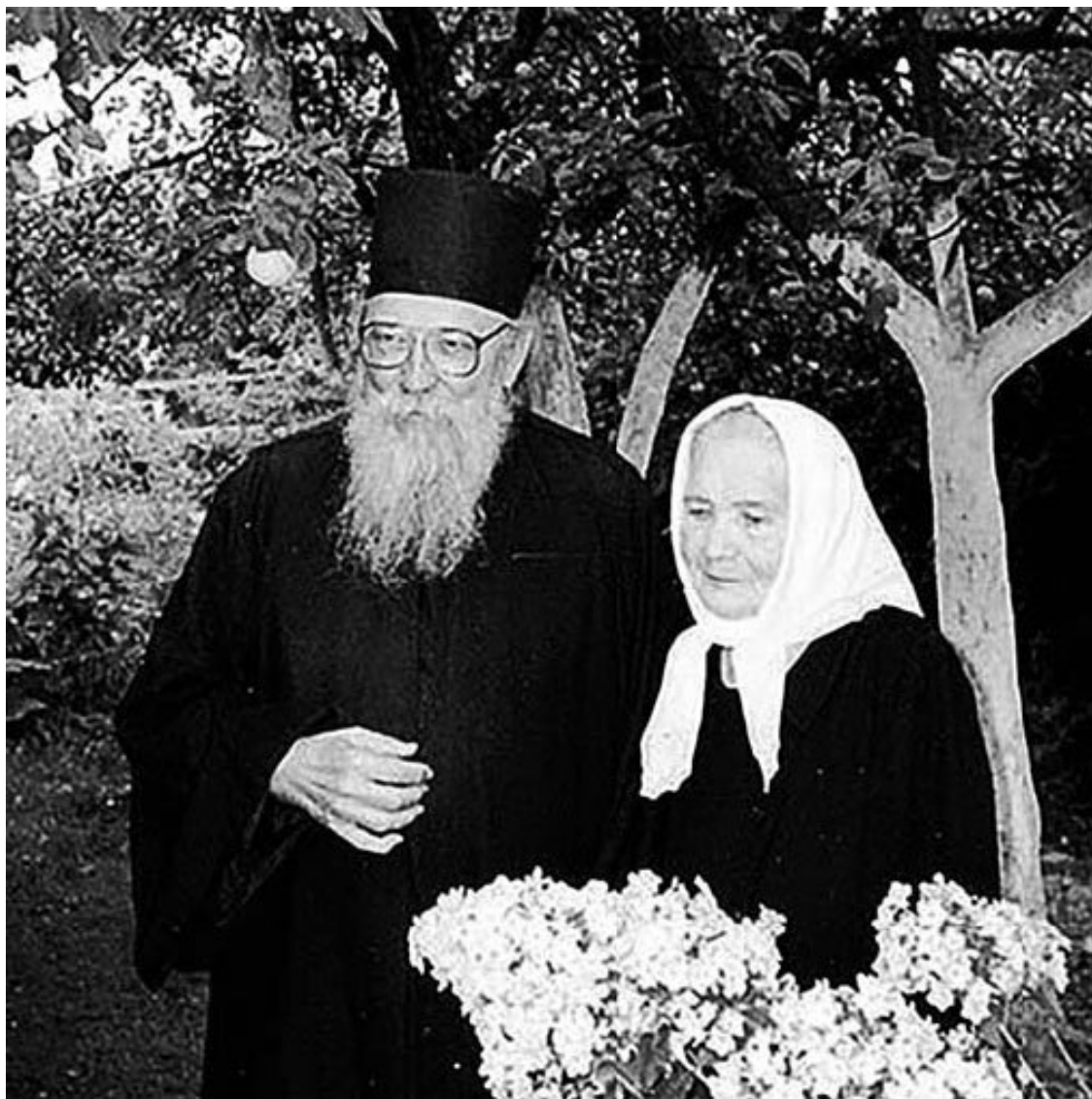
уходил от него утешенным и в хорошем настроении. Батюшка обладал каким-то благодатным воздействием...

Как-то один из батюшкиных знакомых пришёл к нему пожаловаться о своей незначительной проблеме со здоровьем, на что отец Герман так просто и спокойно сказал, что у него самого рак... Он к этому относился очень спокойно, так как всё посланное в жизни он принимал как от руки Божией... Замечательный подвижник, старец святой жизни – игумен Никон Воробьёв в своих письмах писал: «Явно, что есть особое Божие определение, чтобы большинство людей умирало от рака. Болезнь безнадежна и даётся время на покаяние. Вот почему так распространился рак».

Известно, что отец Герман мог испытывать мучительную боль в любой момент разговора с ним (особенно это бросалось в глаза в последние годы его жизни), но его светящиеся лицо при этом источало жизнерадостность и благодарность Богу за всё. Можно с очевидностью сказать, что батюшкин девиз жизни был: «Слава Богу за всё!». Хорошие есть строчки в одном стихотворении:

Слава Богу за всё. За хороших друзей,
За врагов, налетающих, как вороньё,
За улыбки счастливые наших детей,
За болезни и скорбь. Слава Богу за всё!

А любовь отца Германа к людям? Кто-то задавался вопросом, зачем больной и пожилой человек ехал за тысячи километров с другого конца мира в Россию (батюшка приезжал в Россию каждый год пока позволяло здоровье)? Особенно отцу Герману это тяжело давалось в последние его приезды, так как самочувствие у него ухудшилось. Ведь он ни в чём ни от кого не нуждался, он был самодостаточен. Думается, что причина в том, что он это делал ради своих духовных чад, именно они нуждались в нём, – и он приезжал в Россию, жертвуя своим и так слабым здоровьем для людей, желая им как-то послужить и принести пользу! Отец Герман был добрый пастырь, который жизнь полагал свою за овец своих...

Отец Герман с духовной дочерью Татьяной Ивановой. 2002 г.

В заключении уместно будет привести слова Натальи Сергеевны Назаровой, директора православного кафе, в котором батюшка был частым гостем. Эти слова очень точно его характеризуют: «Отец Герман был очень красивым человеком, несмотря на свой преклонный возраст. Внутренняя красота, его сила духа, сила любви Христовой давала ему эту внешность. Для нас отец Герман – человек великого русского духа, высокой духовности, горячей веры Христовой. Он – светильник Христов».

Подводя итог написанному, можно сказать, что отец Герман, по-видимому, достиг очень высокого преуспевания в духовной жизни. И главными показателями этого являются его смирение и любовь к людям, а также пример его святой жизни.

IV. Рассказы отца Германа

Когда батюшка выступал в православном кафе, на радио Радонеж или на каких-то других площадках, он всегда рассказывал интересные истории из своей жизни, из жизни отца Серафима, о Владыке Иоанне Максимовиче и других. Эти беседы всегда были интересными, живыми и с юмором. Вот некоторые истории, которые доводилось от него слышать.

Дом с видом на море

У Глеба давно возникло желание оставить мир, но не давали обязательства перед родными. Уже много лет на его попечении находилась мать и больная сестра, и оставить их он не мог. Мать поставила жёсткое условие: сын волен отправляться в пустынь, но сперва должен купить дом с видом на океан и найти сестре высокого, красивого и богатого мужа.

Дом Глеб купил (за долгие годы работы удалось скопить денег), но с замужеством сестры дело обстояло не так просто. Однако и это вскоре разрешилось при чудесном содействии архиепископа Иоанна.

Однажды в декабре 1966 года Глеб читал Псалтирь в усыпальнице. «Оглянувшись, увидел, что народ уже разошёлся, – вспоминает он, – я оставался один на один с Блаженным. Сердце защемило, и я расплакался, припав к его гробу, накрытому мантией. И вдруг я вспомнил слова Владыки Иоанна: «Передайте людям: хоть я умер, но я жив» и начал горячо молиться о сестре. Она так хотела выйти замуж, но из-за болезни ей трудно было найти близкого человека. Тем временем богослужение наверху в церкви закончилось, усыпальницу уже должны были закрывать, и я ушёл.

То было воскресным вечером. А на следующий день сестра сказала, что познакомилась с молодым человеком и, похоже, они понравились друг другу. Вскоре они поженились, родился ребёнок, и вот уже много лет они счастливо живут вместе. Самое примечательное то, что познакомились они в тот момент, когда я взывал к блаженному Иоанну о помощи.

Условия матери я выполнил и теперь был волен распоряжаться своей жизнью».

Страх

Евгений и Глеб осуществили свою мечту и купили участок земли близ Платины. «Мы решили – пишет Глеб, – что сперва на неделю поеду в Платину я, чуть позже приедет Евгений, так как у него были ещё незаконченные дела.

2 мая я сел на автобус и доехал до Красного Утёса. Оттуда пришлось идти пешком – иначе до Платины не добраться. Прошёл несколько миль, потом немного подвезла случайная машина, и снова – с чемоданом в руке – вперёд, на своих двоих... Какой-то пожилой господин подвёз меня прямо до места. Немного поболтав, мы расстались, и я остался один.

Признаться, мне было не просто страшно, а жутко, особенно когда налетал западный ветер, завыв в горах, заскрипели-застонали деревья, заухала сова, заскреблись мыши. Особенно ночью было страшно...

Всю неделю с утра до ночи пребывал я в страхе, слёзно моля Господа вразумить меня глупого... Как-то во время молитвы меня осенило – у нас же здесь нет креста! Тут же я принялся за работу, решив поставить большой крест при въезде. Получился он больше, чем я предполагал, едва хватило сил поднять. Кое-как, спотыкаясь, чуть не падая, потащил. Лопаты у меня не было, глубоко выкопать не удалось. Да, не рассчитал я, крест выдался большим, а ямка маленькой. Что же делать? Собрав все силы, я поднял крест и поставил его – по крайней мере увижу, сколько ещё надо копать. Всё время не переставал молиться Святому Кресту.

Водрузив, я увидел с удивлением: крест стоит! Я не поверил своим глазам, отошёл, пригляделся – стоит ровно, хотя ямка на ладонь глубиной, не больше. Я поразился: ведь это чудо! Знамение!»

Неожиданная встреча

«Изучая местность нашего нового лесного мира, я шёл вдоль сосен, как вдруг где-то совсем рядом зашуршала листва. Я подумал, что спугнул лань и сейчас она пустится наутёк. Но всё было тихо. Даже не взглянув, я сказал вслух: ну что же ты не убегаешь, неужто не боишься? И только тут посмотрел на склон. Посмотрел – и обмер: прямо передо мной, метрах в двух, стоит большая пума и в упор разглядывает меня. Взгляды наши встретились, мы оба стояли не шелохнувшись.

До чего же красивое существо! В сотни раз лучше, чем на картинках или в зоопарке. Воистину царь зверей, властитель здешних мест, где собирался жить и я. Красивая тёмно-серая с лиловым оттенком шерсть, небесно-голубые глаза! Пума стояла на склоне холма, выше меня, ей достаточно было доли секунды, чтобы прыгнуть. Однако она не двигалась, я тоже. И что делать, ума не приложу. Думаю: если прыгнет, брошу в неё камнем. А вообще-то я даже был готов принять смерть от такого красавца-зверя, он здесь хозяин, я – незваный гость. Я начал молиться, дабы Господь вразумил тварь Свою и позволил бы мне уйти.

Шагнул вперёд, глядя в спокойные глаза пумы. Очевидно, я вызывал у неё любопытство. Скорее всего, ей не доводилось видеть человека, хоть и созданного править зверями, но слабого и трусливого, боящегося малейшего шороха. Я прошептал пуме ласково: «Ну пропусти же меня, я боюсь тебя! Я не сделаю зла!» – и начал пятиться назад, сначала медленно, а потом, ускорив шаг, убежал к себе домой. Пума не шелохнулась, лишь взглядом следила за мной.

Прибежав домой, я забрался в спальный мешок и возблагодарил Бога. Никогда не забыть мне красоты этой Божией твари: сколько благородства, спокойной уверенности, величия! Воистину прекрасны творения Господни! Страх сковал меня, Божией волей столкнулся я лицом к лицу со смертью, и каким же потрясением это для меня оказалось. А ведь Он только чуть открыл мне, что такое настоящая пустынь. Теперь вспоминая об удивительной красоте Божией твари, я благоговею перед Господом».

Как Бах спас меня

Вот Вам смешно, а я расскажу, как Бах спас меня. Был такой момент, когда наша братия разъехалась по делам, и я остался один. Нас предупредили, что в это время в наш лес ходит медведь, но я не верил и говорил: «А, это чушь»!

И вот поздно вечером, сижу в восторге, пишу поэму, как вдруг слышу на кухне, а у нас кухня отдельно от моего здания, кто-то швыряет посуду. Думаю, «Господи, помилуй, полночь, кто же там забрался и бросает посуду? Совершенно не понятно». Взял фонарик. Как обычно, не работает, зажег свечечку – потухла.

Что делать? И вдруг я сообразил: медведь окаянный влез в нашу кухню и там расчищает, швыряет нашу посуду, ищет там что-то такое. А я один. Лес, ночь, ни света, ничего. Что тут делать? Как тут быть? Он может сюда прийти.

И вдруг дивная мысль, я подошел к моему офису, конторе, говоря по-русски, у меня там был магнитофон. Громкость поставил на максимум, а там был Бах, кантата № 94. Включил. И в этот момент раздался Бах на весь лес! Красота невероятная!

Слышу, миша мой испугался и побежал. Я достал маленький бюст Баха, поставил в углу, и меня Бах теперь «спасает». Святой жизни был человек. Ему, конечно, не было открыто Православие, потому что православные миссионеры боялись в то время что-то делать. Мы сейчас не боимся, а в то время наши русские боялись протестантов переводить в православие. Таким образом, я Баху благодарен.

Богослужение с ланью

Как-то утром братия выбрали красивое место, принесли книги и начали служить Успенскую заутреню (в пустыни). Вдруг из леса вышла лань и легла рядом, с любопытством оглядывая новых соседей, появившихся здесь с совсем иными целями, нежели их предшественники – охотники. Братия лишь изумлённо переглянулись. Но самое удивительное ждало впереди: дошли до момента в службе, когда все в храме встают, на песни Пресвятой Богородице перед девятой песнью канона, – и лань встала! Кончилась песнь, лань улеглась опять и не ушла до конца службы. «Как же близок Бог!» – подумалось братии.

Плач о потерянном Рае

Как-то Великим постом выдался очень трудный день. Я зашел в келью отца Серафима. Было уже поздно. Он сидел в темноте, и вид у него был изможденный.

– Что случилось? – спросил я.

– Ничего, – ответил он по обыкновению.

И тогда я излил все свои страхи и горести душевные: дескать, мы тут убиваемся, а всем наплевать.

– И некому мне помочь, когда ты нужен – и тебя рядом нет.

Отец Серафим потупился. Я наклонился к нему: в такие минуты мне так бывала нужна его поддержка, его слова. Но единство душ наших было бессловесным, оно крепилось перенесенными вместе тяготами. И всё же я так хотел, чтобы он заговорил! И снова чуть не плача произнёс:

– И даже тебя рядом нет!

Он поднял голову и прошептал:

– Будем рядом в Раю!

Меня обожгли эти слова: что мои невзгоды – столь земные и мелочные – по сравнению с высоким и широким воззрением друга. Я пристыжено замолчал, встал и вышел из кельи. Слова его возвысили душу до осознания «боли мира», о чём так часто горевал мой сотаинник. В сердце звучала музыка, я стал напевать глубоко волнующий душу мотив – одну из тем фортепьянного концерта № 23 Моцарта. И вдруг отчетливо услышал рыдания – отец Серафим оплакивал потерянный Рай!

Драгоценная минута! Подумать только, в нашем XX веке кто-то еще думает о Рае и сокрушенно плачет о нем!

Страдание отцов

Отец Серафим очень страдал. Я видел это. Большинство не видели этого. Видели, как он жил, работал, но я видел внутреннюю сторону. Ему хотелось оправдать свою жизнь, искупить грехи своей юности – искупить на деле. Не просто совершить личный подвиг, им современный монах не должен ограничиться, видя такое страдание людей в мире – такую нужду, такую необходимость в свидетельстве Православия наружном.

Не только внутренняя проповедь Православия нужна, что естественно, что должно быть у каждого, но необходима внешняя, потому что князь мира сего сатана превращает весь христианский мир в свое общество. Мы видим фильмы, всякий «свистопляс», который показывают и по телевидению, – ведь это подготовка к аду. Эти фильмы, так называемые фильмы ужасов – это специально выдумывают люди, принимающие всякие наркотики, специально вызывая злого духа в образах, не только в ощущениях, и стараются передать эти образы ада, чтобы люди уже приняли сатану, всяких чудищ и драконов: это миссионерская работа по подготовке к аду. Чтобы грядущий антихристов порядок был принят, как свой.

Весь удар этих нелюдей направлен в первую очередь на молодёжь. А православные люди должны делать как раз обратное. Мы должны потрудиться ради Рая, показать образы райские, святые, добрые, чтобы молодёжь имела бы перед собой эти примеры, которые их души влекли бы к берегам Божией вечности.

Мы с отцом Серафимом, видя, что наша бедная молодёжь не имеет Православия, не может подойти к той реальности, которую видели, ощущали наши преподобные: такие как, например, Александр Свирский, Антоний Сийский или Серафим Саровский, – которые ощущали Рай уже при земной жизни. Молодёжь не знает об этом. Отец Серафим узнал это, ощутил присутствие преподобных, ему хотелось передать это молодому поколению – тем, кто этого хочет, чьи души жаждут так же, как жаждал сам отец Серафим».

Меньшие братья

Однажды утром округ огласился громким кукареканьем.

Отцы вскочили, бросились в трапезную и... увидели на столе петуха! Они терялись в догадках: откуда он взялся, как проник в трапезную? Петух же продолжал кукарекать.

Тут из-за дверей раздался смех. Оказалось, что их друг, дьякон Николай, по пути увидал красавца петуха и решил купить в подарок отцам. Приехал он ночью и поместил петуха в трапезную.

В лучах рассвета петух предстал во всей красе: оперение блестело и переливалось на солнце золотом, пурпуром, синим и ярко-зелёным. «Никогда ничего подобного не видел, – признался отец Герман, – будто из иного мира к нам залетел».

Прожив в Латвии не один год, отцы не заводили ни собак, ни кошек, в строгости своей полагая, что скит неподходящее место для домашних тварей. Но в один прекрасный день Нина Секо привезла подарок. Она попросила отца Германа закрыть глаза и подставить руки. Открыв глаза, он увидел у себя на руках серого котёнка.

Отец Герман хотел было отказаться, но практичная Нина спросила, не докучают ли отцам мыши. «Ну что ж, – обратился отец Герман к котёнку, – поймаешь за час мышь – останешься, не поймаешь – придётся распрощаться». Новый гость деловито устремился под дом. Не прошло и 15-ти минут, как перед Ниной и отцом Германом появился котёнок с мышью в зубах. Добычу свою он сложил у ног отца Германа. Что ж, послушание выполнено – котёнок остался. А вскоре появились и другие.

Давно уже подметили отцы, что окрест водятся гремучие змеи. Порой отец Герман находил смертоносную гадину даже в своей келье прямо в клобуке или на кровати. Однако появились кошки, и змей стало меньше. Отцы смекнули: раньше змей привлекало обилие мышей, поубавилось мышей, значит, змеям пожить нечем.

В один прекрасный день на монастырский двор забежал большой рыжий, с чёрным «воротником» пёс, похожий на немецкую овчарку. Он быстро подружился с отцами. «А что, может, оставим его?» – с сомнением спросил отец Серафим. Но у собаки был ошейник, значит и хозяин, поэтому отцы повесили объявление в магазине в Платине. Вскоре хозяин и впрямь объявился. Приехал на грузовике, чтобы забрать своего Мерфи. Пёс виновато припал к земле, с ужасом глядя на хозяина, – видно, не сладко ему жилось, не видел он ничего, кроме брани и побоев. Отцам было жаль расставаться с псом.

Но несколько дней спустя Мерфи снова объявился! И снова приехал грозный хозяин. «Живо в машину!» – скомандовал он и ударил пса. «Если снова к вам прибежит, оставляйте у себя!» – сказал напоследок. Ждать долго не пришлось – через 15 минут Мерфи вернулся.

Жили в монастыре и павлины, и олени, которые сделались почти ручными. В монастыре они чувствовали себя в безопасности: охотники там не угрожали. В одном из писем отец Серафим заметил: «В разгаре лето, охотничий сезон, и олени держатся поближе к нам. Сейчас я сижу во дворе, а подле меня – пятеро оленей, вот трое пьют из нашего родника».

На глазах отцов из крошечной малютки выросла красивая лань. В июне 1972 года отец Серафим писал: «Два дня тому назад наша недавняя малютка родила двух оленят – и прямо против церкви! Не прошло и полдня, как мать их нам «показала», причём они уже, хотя и не твёрдо, держались на ногах. Любопытно, что «малютка» не устроила им никакого «гнезда». Поводила их по двору, потом они заснули кто где попало, сама же она легла поодаль. Три дня не уходили со двора – значит, доверяют нам. Случайно раз увидели оленёнка под деревом святого Германа, где висит икона, – очень трогательное зрелище.

Из всех оленей отец Серафим выделял одного – светлого (отчего и получил прозвище «Белан») крупного самца, отличавшегося величественной красотой. Грудь у него поросла пушистой белой шерстью. Горделиво, по-царски шествовал он по лесу, признавая в монахах друзей. Подходил совсем близко, позволял себя гладить, ел с рук.

Однажды, когда охотничий сезон был в разгаре, на дороге к монастырю показался джип. Белан разгуливал по монастырскому подворью и, ничего не подозревая, пошел на шум. Один из братьев бросился вдогонку, крича на ходу: «Стой, Белан! Назад!» Джип остановился. Сидевшие в нем, конечно, увидели оленя и, конечно же, услышали крики. Белан, однако, не остановился, миновал церковь и не успел отойти трех метров, как грянул выстрел. Красавец-олень упал замертво. Подоспел отец Герман. «Что вы делаете?! – закричал он, указывая на знак «Охота запрещена», – здесь частные владения!» Но охотников, которые были явно навеселе, это не вразумило. Один из них нацелил еще дымящееся ружье на отца Германа. «Что-что ты сказал?!» – угрожающе спросил он. Отец Герман не стал вступать в бессмысленные препирательства и ушел. Вскоре охотники убрались восвояси.

Отцы были потрясены нелепым и жестоким убийством Белана.

Напоминание о Рае

В минуту покоя, вспоминает отец Герман, у их с отцом Серафимом ног собирались «братья меньшие»: пёс Свир приветливо помахивал хвостом и преданно смотрел в глаза, рядом тихо пристраивалась Киса, кошка с красивыми белыми лапками.

– Как ты думаешь, – спросил отца Серафима в одну из таких минут отец Герман, – в чём смысл близости всех этих животных?

– Чтобы напомнить нам о Рае, – ответил отец Серафим.

«Пчела и муха»

Отец Герман также приводил интересную притчу святого Паисия Святогорца «Пчела и муха».

На лугу росло множество цветов: здесь были и белые благоухающие лилии, и гиацинты, и высокие синие ирисы. И маленьким цветочкам тоже нашлось место в траве. Ветер наклонял цветы, весело колыхал траву и листья; и аромат разносился далеко-далеко.

Над поляной над цветами трудились пчелки. Они собирали сладкий нектар, чтобы подкормить молодняк в улье и запастись едой на долгую холодную зиму. Сюда-то и прилетела муха. Она недовольно жужжала и оглядывалась. Одна маленькая пчелка, оказавшаяся здесь в первый раз, вежливо спросила муху:

– Не знаете ли вы, где здесь белые лилии?

Муха насупилась и ответила:

– Не видела я здесь никаких лилий.

– Как?! – воскликнула пчелка. – Но мне говорили, что на этом лугу должны быть лилии!

– Цветов я здесь не видела, – пробурчала муха. – А вот недалеко, за лугом, есть одна канава. Вода там восхитительно грязная, а рядом много консервных банок.

Тут к ним подлетела пчелка постарше, державшая в лапках собранный нектар. Узнав, в чем дело, она сказала:

– Я никогда не замечала, что за лугом есть канава, но я многое могу рассказать о здешних цветах.

– Вот видишь, – сказал отец Паисий. – Бедняжка муха только и думает о грязных канавах, а пчелка знает, где растёт лилия, где – ирис, где – гиацинт. И люди так же: одни похожи на пчелку и во всем находят что-то хорошее; другие – на муху и во всем им видится только дурное.

– А ты на кого хочешь быть похож? – закончил старец.

V. Духовные родственники

Отец Владимир

Когда-то в молодые годы в Свято-Троицком монастыре Глеба взял под свое покровительство молодой и деятельный иеродиакон Владимир. Был он невысокого роста, с яркими зелеными глазами, преисполненный радости и христианской любви.

Глеб вспоминает: «После повечерья отец Владимир предложил: «Давай прогуляемся до кладбища». На нем был клобук и мантия. Он лучился радостью, и дух его, казалось, ликовал. Предложил: «Хочешь поговорим?» А я как раз прикидывал, раздумывал – стоит ли раскрывать самые потаенные уголки своей души? Мы пошли, и он начал: «Давай сначала я расскажу о себе, а потом – ты». И поведал свою историю, которая в чём-то напоминала жизнь Глеба.

Родился он в Черниговской губернии. В четырнадцать лет был угнан германской армией, отступавшей из России. В советское время отец его был атеистом, и мать не позволяла себе говорить детям о религии, но когда пришло время разлуки (как оказалось, на всю жизнь), она открыла ему: «Имей в виду, ты крещеный». В Берлине, будучи «гастарбайтером», он выкапывал людей из-под руин после налетов американцев. Именно здесь, в послевоенной стране, одинокий юноша и обрел впервые Бога. Он повстречал отца Адриана Рымаренко, вдохновенного священника, собравшего христианскую общину из 40–50 мирян, в основном неимущих русских беженцев, и постоянно питавшего их своей неиссякаемой верой. Именно под его влиянием отец Владимир решил стать монахом еще в Германии, а теперь подвизался в Джорданвилле.

«Говорил отец Владимир очень долго, – продолжает Глеб, около двух часов. Он открыл мне, что движет его душой, свой внутренний мир, и я был несказанно рад, что встретил доступного человека, коего волновали такие же вопросы, кто уделял мне время, снисходил до меня, недостойного, подбадривал и шутил.

Закончил он рассказывать, и взвилось мое сердце, захотелось излить всё, что накопилось. «Теперь расскажи о себе», – попросил он. И выплеснул всё: как жил, страдал, мучился сомнениями. Так и произошло мое «перерождение», среди ночи, на дороге между кладбищем и монастырем. Сколько сил дал мне этот разговор!

Неужто мы расстанемся?! Страшно подумать: ведь я встретил человека, которому я дорог таков, каков я есть. Прощаясь со мной ночью накануне отъезда, он перекрестил меня, обнял и поцеловал. Я был потрясен: как же холодно и бездушно я до сих пор жил! А он улыбнулся, повернулся, и его черный клобук исчез в ночи. Я вышел из монастыря, небо было усыпано звездами, стояло теплая летняя ночь, пахло сеном. И я подумал: вот бы никогда не расставаться с отцом Владимиром. Утром, уже прощаясь, он повторил те же самые слова: «Не волнуйся, мы не расстанемся вовек».

Отец Владимир открыл для него подвижническую сторону православного христианства. Перво-наперво он дал Глебу житие преп. Серафима Саровского, одного из самых любимых святых земли русской.

Все, кто знал Глеба, заметили после его «перерождения» разительную перемену. До этого он слыл «мрачным Глебом». Теперь же он был внутренне счастлив и окрылен: открылась цель, ясная и неотложная. Он изменился настолько, что, как сам говорил, мир предстал в других красках.

Душа Глеба жадно поглощала русские святоотеческие писания. Он знал, что помимо преподобных Сергия и Серафима было очень много пустынножителей – отшельников, пребывавших в единении с Богом среди бескрайних лесов России вплоть до нашего столетия. И

особенно взволновали его жизнеописания старцев Оптиной пустыни, они продолжили традицию пустынножителей рославльских лесов и представляли в истории современной Церкви одно из самых необычайных явлений. В XIX и начале XX века старцы оказывали огромное влияние на русское общество, вызвав широкое процветание святости. Выполняя древнюю пророческую роль Церкви (см. Еф. 4, 11; 1 Кор. 12, 28, 14, 1, 3), они даром Божиим проникали в людские сердца и целили раны душевные и телесные. Их пророчества и открытые Богом тайны привлекали искателей духовности со всей Руси, их посещали Достоевский, Гоголь, Толстой.

Опять же с помощью отца Владимира Глеб познакомился с учеником святого Нектария (одного из последних оптинских старцев), отцом Адрианом Рымаренко, кто привел отца Владимира в Церковь.

Отец Адриан (Рымаренко)

Ныне уже пожилой, отец Адриан со своей матушкой жил в Спринг Велли в штате Нью-Йорк, где основал Ново-Дивеевскую женскую обитель. Так же, как и в Европе, он духовно окормлял мирян из христианской общины, собравшихся вокруг него.

Вместе со своей паствой отцу Адриану выпало много пережить. Во время второй мировой войны его родному сыну осколком от бомбы снесло полголовы. Отец Адриан воспринял этот удар мудро, и пережитое помогло ему еще более поддерживать и утешать окружающих, и люди тянулись к нему. Священник, духовник, проповедник, он привлекал сотни, тысячи душ в Церковь своим богослужением и образом жизни. Он отдавал ее своей пастве. Столько отеческой любви дарил он, что его прозвали «суперсвященник».

Пастырство отца Адриана зиждилось не на его собственных измышлениях, а на всём лучшем, что он унаследовал от своего учителя – старца Нектария, который скончался в 1928 году под его епитрахилью³.

Подобно своему наставнику, отец Адриан был истинным сердцевицем: взглянув раз на человека, уже мог сказать, что необходимо тому сейчас делать, причём каждому своё, потребное только ему. Случилось как-то Глебу прийти к отцу Адриану в гости.

Вспоминая первую встречу с отцом Адрианом, Глеб пишет: «Отец Адриан пригласил меня в очень уютный кабинет с невысоким потолком. Предложил сесть в кресло у окна, напротив красного угла со множеством старых, почерневших икон и горевшей лампадой. Сам сел на диван у стены, покоровив меня душевной улыбкой...

Он был высок и очень красив. Ярко-голубые глаза светились радостью, сам же, хотя и серьёзен, был необычайно обаятелен. Приехал я не для того, чтобы задать какой-то вопрос, а просто пришёл в гости, так как пообещал отцу Владимиру. Хозяин это понял и начал расспрашивать о жизни. У него оказался очень приятный тенор. Я отвечал кратко и незначительно, уделяя больше внимания портретам монахов в кlobуках на стенах, нежели беседе... И вдруг он ошарашил меня вопросом относительно одного моего греха. Я был поражён такой прозорливостью, о таком даре я и не предполагал. Он придвинулся поближе и, глядя прямо в глаза, открыл обо мне такое, о чём я раньше и не догадывался.

Беседовали мы не очень долго, но я окончательно утвердился: передо мною всезнающий, заботливый и, несомненно, доброжелательный отец, которому ты нужен такой, какой ты есть. Я плакал, но не потому, что разговор тронул моё сердце, а потому, что обрёл нечто совершенно замечательное, к чему душа стремилась многие годы».

Так отец Адриан стал для Глеба духовным наставником. Как-то отец Адриан спросил Глеба: «Почему Бог волной вынес нас на просторы американской земли? Почему рассыпал нас – словно звёзды по небу – среди добрых американцев? Не для того ли, чтобы мы до наступ-

³ Общеизвестно, что отец Адриан присутствовал при кончине старца Нектария и читал по нему отходную молитву.

ления конца света успели воссоздать здесь жизнь Святой Руси, как свидетельство истинного христианства?» Эти апостольские идеи были абсолютно новыми для Глеба. Отец Адриан буквально открыл перед ним новые горизонты.

Конечно, отец Адриан был удивительным священником: куда бы ни забрасывала его судьба – в Киев ли, Берлин, Вендлинген или Нью-Йорк, – он собирал и спланивал православные общины.

Осенью 1943 года, перед занятием Киева советскими войсками, вместе с некоторыми членами своей общины (среди которых, в частности, был Олег Концевич, позднее ставший епископом Нектарием) отец Адриан выехал на Запад. Позднее он говорил, что многие православные люди в это время бежали в Германию не из страха перед расстрелом или коммунистическим режимом, а для того, чтобы не потерять уже раз найденный путь христианской жизни, чтобы освободить свой дух, чтобы продолжать жить по-христиански и строить христианский быт.

С 17 ноября 1943 году отец Адриан исполнял обязанности настоятеля кафедрального Воскресенского собора Берлина, с 8 марта 1944 года стал настоятелем этого собора в сане протопресвитера. Был духовным пастырем для самых разных категорий верующих: для «старых эмигрантов», военнопленных, угнанных в Германию «восточных рабочих», бежавших от Красной армии противников большевизма и лиц, сотрудничавших с оккупационной администрацией.

Во время настоятельства отца Адриана службы стали ежедневными (утром и вечером), настоятель не прекращал богослужений во время бомбардировок Берлина союзной авиацией. В соборе была открыта приходская столовая, в которой кормили живших в Берлине русских людей, многие из которых потеряли всё своё имущество и голодали. По воспоминаниям современников, собор превратился в круглосуточный пункт оказания помощи и участия.

В 1945 году отец Адриан переехал в Южную Германию, служил в храме под Штутгартом, в Вендлингене. Помог многим избежать депортации в СССР.

Даже в тяжелейшее военное время в Германии отец Адриан сумел стяжать внутренний покой, сумел создать условия и настрой, с которым он и его паства могли жить христианской жизнью во всей полноте её благодати. И теперешняя его община на севере штата Нью-Йорк духовно процветает, потому что он воспитал в людях сознательную православную философию жизни.

В феврале 1968 года, после смерти жены Евгении Григорьевны, отец Адриан принял монашество с именем Андрей.

2 марта 1968 года он был хиротонисан во епископа Роклендского, викария Нью-Йоркской епархии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.